АРКАДИЙ ГАЙДАР

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Аркадий Петрович Гайдар
Военная тайна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172884

Аннотация

«Из-за какой-то беды поезд два часа простоял на полустанке и пришел в Москву только в три с половиной.

Это огорчило Натку Шегалову, потому что севастопольский скорый уходил ровно в пять и у нее не оставалось времени, чтобы зайти к дяде.

Тогда по автомату, через коммутатор штаба корпуса, она попросила кабинет начальника – Шегалова…»

Аркадий Гайдар
Военная тайна

Из-за какой-то беды поезд два часа простоял на полустанке и пришел в Москву только в три с половиной.

Это огорчило Натку Шегалову, потому что севастопольский скорый уходил ровно в пять и у нее не оставалось времени, чтобы зайти к дяде.

Тогда по автомату, через коммутатор штаба корпуса, она попросила кабинет начальника – Шегалова.

– Дядя, – крикнула опечаленная Натка, – я в Москве!.. Ну да: я, Натка. Дядя, поезд уходит в пять, и мне очень, очень жаль, что я так и не смогу тебя увидеть.

В ответ, очевидно, Натку выругали, потому что она быстро затараторила свои оправдания. Но потом сказали ей что-то такое, отчего она сразу обрадовалась и заулыбалась.

Выбравшись из телефонной будки, комсомолка Натка поправила синюю косынку и вскинула на плечи не очень-то тугой походный мешок. Ждать ей пришлось недолго. Вскоре рявкнул гудок, у подъезда вокзала остановилась машина, и крепкий старик с орденом распахнул перед Наткой дверцу.

– И что за горячка? – выбранил он Натку. – Ну, поехала бы завтра. А то «дядя», «жалко»… «поезд в пять часов»…

– Дядя, – виновато и весело заговорила Натка, – хорошо тебе – «завтра». А я и так на трое суток опоздала. То в гор-

коме сказали: «завтра», то вдруг мать попросила: «завтра». А тут еще поезд на два часа… Ты уже много раз был в Крыму да на Кавказе. Ты и на бронепоезде ездил, и на аэроплане летал. Я однажды твой портрет видела. Ты стоишь, да Буденный, да еще какие-то начальники. А я нигде, ни на чем, никуда и ни разу. Тебе сколько лет? Уже больше пятидесяти, а мне восемнадцать. А ты – «завтра» да «завтра»…

– Ой, Натка! – почти испуганно ответил Шегалов, сбитый ее бестолковым, шумным натиском. – Ой, Натка, и до чего же ты на мою Маруську похожа!

– А ты постарел, дядя, – продолжала Натка. – Я тебя еще знаешь каким помню? В черной папахе. Сбоку у тебя длинная блестящая сабля. Шпоры: грох, грох. Ты откуда к нам приезжал? У тебя рука была прострелена. Вот однажды ты лег спать, а я и еще одна девочка – Верка – потихоньку вытащили твою саблю, спрятались за печку и рассматриваем. А мать увидала нас да хворостиной. Мы – реветь. Ты проснулся и спрашиваешь у матери: «Отчего это, Даша, девчонки ревут?» – «Да они, проклятые, твою саблю вытащили. Того гляди, сломают». А ты засмеялся: «Эх, Даша, плохая бы у меня была сабля, если бы ее такие девчонки сломать могли. Не трогай их, пусть смотрят». Ты помнишь это, дядя?

– Нет, не помню, Натка, – улыбнулся Шегалов. – Давно это было. Еще в девятнадцатом. Я тогда из-под Бессарабии приезжал.

Машина медленно продвигалась по Мясницкой. Был час,

когда люди возвращались с работы. Неумолчно гремели грузовики и трамваи. Но все это нравилось Натке – и людской поток, и пыльные желтые автобусы, и звенящие трамваи, которые то сходились, то разбегались своими путаными дорогами к каким-то далеким и неизвестным ей окраинам: к Дангауэровке, к Дорогомиловке, к Сокольникам, к Тюфелевой и Марьиной Рощам и еще и еще куда-то.

И когда, свернув с тесной Мясницкой к Земляному Валу, шофер увеличил скорость так, что машина с легким, упругим жужжанием понеслась по асфальтовой мостовой, широкой и серой, как туго растянутое суконное одеяло, Натка сдернула синий платок, чтобы ветер сильней бил в лицо и трепал, как хочет, черные волосы.

В ожидании поезда они расположились на тенистой террасе вокзального буфета. Отсюда были видны железнодорожные пути, яркие семафоры и крутые асфальтовые платформы, по которым спешили люди на дачные поезда.

Здесь Шегалов заказал два обеда, бутылку пива и мороженое.

– Дядя, – задумчиво сказала Натка, – три года тому назад я говорила тебе, что хочу быть летчиком или капитаном морского парохода. А вот случилось так, что послали меня сначала в совпартшколу – учись, говорят, в совпартшколе, – а теперь послали на пионерработу: иди, говорят, и работай.

Натка отодвинула тарелку, взяла блюдечко с розовым, быстро тающим мороженым и посмотрела на Шегалова так,

как будто она ожидала ответа на заданный вопрос.

Но Шегалов выпил стакан пива, вытер ладонью жесткие усы и ждал, что скажет она дальше.

– И послали на пионерработу, – упрямо повторила Натка. – Летчики летят своими путями. Пароходы плывут своими морями. Верка – это та самая, с которой мы вытащили твою саблю, – через два года будет инженером. А я сижу на пионерработе и не знаю почему.

– Ты не любишь свою работу? – осторожно спросил Шегалов. – Не любишь или не справляешься?

– Не люблю, – созналась Натка. – Я и сама, дядя, знаю, что нужная и важная… Все это я знаю сама. Но мне кажется, что я не на своем месте. Не понимаешь? Ну вот, например: когда грянула гражданская война, взяли бы тогда тебя и сказали: не трогайте, Шегалов, винтовку, оставьте саблю и поезжайте в такую-то школу и учите там ребят грамматике и арифметике. Ты бы что?

– Из меня грамматик плохой бы тогда вышел, – насторожившись, отшутился Шегалов. Он помолчал, вспомнил и, улыбнувшись, сказал: – А вот однажды сняли меня с отряда, отозвали с фронта. И целых три месяца в самую горячку считал я вагоны с овсом и сеном, отправлял мешки с мукой, грузил бочонки с капустой. И отряд мой давно уже разбили. И вперед наши давно уже прорвались. И назад наших давно уже шарахнули. А я все хожу, считаю, вешаю, отправляю, чтобы точнее, чтобы больше, чтобы лучше. Это как, по-тво-

ему?

Шегалов глянул в лицо нахмурившейся Натки и добродушно переспросил:

– Ты не справляешься? Так давай, дочка, подучись, подтянись. Я и сам раньше кислую капусту только в солдатских щах ложкой хлебал. А потом пошла и капуста вагонами, и табак, и селедка. Два эшелона полудохлой скотины и те сберег, выкормил, выправил. Приехали с фронта из шестнадцатой армии приемщики. Глядят – скотина ровная, гладкая. «Господи, – говорят, – да неужели же это нам такое привалило? А у нас полки на одной картошке сидят, усталые, отощалые». Помню, один неспокойный комиссар так и норовит, так и норовит со мной поцеловаться.

Тут Шегалов остановился и серьезно посмотрел на Натку:

– Целоваться я, конечно, не стал: характер не позволяет. Ешьте, говорю, товарищи, на доброе здоровье. Да… Ну вот. О чем это я? Так ты не робей, Натка, тогда все, как надо, будет. – И, глядя мимо рассерженной Натки, Шегалов неторопливо поздоровался с проходившим мимо командиром.

Натка недоверчиво глянула на Шегалова. Что он: не понял или нарочно?

– Как не справляюсь? – с негодованием спросила она. – Кто тебе сказал? Это ты сам выдумал. Вот кто!

И, покрасневшая, уязвленная, она бросила ему целый десяток доказательств того, что она справляется. И справляется неплохо, справляется хорошо. И что на конкурсе на луч-

шую подготовку к летним лагерям они взяли по краю первое место. И что за это она получила вот эту самую путевку на отдых в лучший пионерский лагерь, в Крым.

– Эх, Натка! – пристыдил ее Шегалов. – Тебе бы радоваться, а ты… И посмотрю я на тебя… ну до чего же ты, Натка, на мою Маруську похожа!.. Тоже была летчик! – с грустной улыбкой докончил он и, звякнув шпорами, встал со стула, потому что ударил звонок и рупоры громко закричали о том, что на севастопольский № 2 посадка.

Через туннель они вышли на платформу.

– Поедешь назад – телеграфируй, – говорил ей на прощанье Шегалов. – Будет время – приеду встречать, нет – так кого-нибудь пришлю. Погостишь два-три дня. Посмотришь Шурку. Ты ее теперь не узнаешь. Ну, до свиданья!

Он любил Натку, потому что крепко она напоминала ему старшую дочь, погибшую на фронте в те дни, когда он носился со своим отрядом по границам пылающей Бессарабии.

Утром Натка пошла в вагон-ресторан. Там было пусто. Сидел рыжий иностранец и читал газету; двое военных играли в шахматы.

Натка попросила себе вареных яиц и чаю. Ожидая, пока чай остынет, она вынула из-за цветка позабытый кем-то журнал. Журнал оказался прошлогодним.

«Ну да… все старое: „Расстрел рабочей демонстрации в Австрии“, „Забастовка марсельских докеров“. – Она перевернула страничку и прищурилась. – И вот это… Это тоже

уже прошлое».

Перед ней лежала фотография, обведенная черной траурной каемкой: это была румынская, вернее молдавская, еврейка-комсомолка Марица Маргулис. Присужденная к пяти годам каторги, она бежала, но через год была вновь схвачена и убита в суровых башнях кишиневской тюрьмы.

Смуглое лицо с мягкими, не очень правильными чертами. Густые, немного растрепанные косы и глядящие в упор яркие, спокойные глаза.

Вот такой, вероятно, и стояла она; так, вероятно, и глядела она, когда привели ее для первого допроса к блестящим жандармским офицерам или следователям беспощадной сигуранцы.

…Марица Маргулис.

Натка закрыла журнал и положила его на прежнее место.

Погода менялась. Дул ветер, и с горизонта надвигались стремительные тяжелые облака. Натка долго смотрела, как они сходятся, чернеют, потом движутся вместе и в то же время как бы скользят одно сквозь другое, упрямо собираясь в грозовые тучи.

Близилась непогода, и официанты поспешно задвигали тяжелые запылившиеся окна.

…Поезд круто затормозил перед небольшой станцией. В вагон вошли еще двое: высокий, сероглазый, с крестообраз-

ным шрамом ниже левого виска, а с ним шестилетний белокурый мальчуган, но с глазами темными и веселыми.

– Сюда, – сказал мальчуган, указывая на свободный столик.

Он проворно взобрался на стул и, стоя на коленях, подвинул к себе стеклянную вазу.

– Папа… – попросил он, указывая пальцем на большое красное яблоко.

– Хорошо, но потом, – ответил отец.

– Ладно, потом, – согласился мальчуган и, взяв яблоко, положил его рядом с тарелкой.

Человек достал папиросу.

– Алька, – попросил он, – я забыл спички. Пойди принеси.

– Где? – спросил мальчуган и быстро соскочил со стула.

– В купе, на столике, а если нет на столике, то в кармане в пальто.

– То в кармане в пальто, – повторил мальчуган и направился к открытой двери вагона.

Человек в сером френче открыл газету, а Натка, которая с любопытством слушала весь этот короткий разговор, посмотрела на него искоса и неодобрительно.

Но вот за окном, подавая сигнал к отправлению, засвистел кондуктор.

Человек во френче отложил газету и быстро вышел. Вернулись они уже вдвоем.

– Ты зачем приходил? Я бы и сам принес, – спросил маль-

чуган, опять забираясь коленями на сиденье стула.

– Я это знаю, – ответил отец. – Но я вспомнил, что позабыл другую газету.

Поезд ускорил ход. С грохотом пролетел он через мост, и Натка загляделась на реку, на луга, по которым хлестал грозовой ливень. И вдруг Натка заметила, что мальчуган, спрашивая о чем-то у отца, указывает рукой в ее сторону. Отец, не оборачиваясь, кивнул головой.

Мальчуган, придерживаясь за спинку стульев, направился к ней и приветливо улыбнулся.

– Это моя книжка, – сказал он, указывая на торчавший из-за цветка журнал.

– Почему твоя? – спросила Натка.

– Потому что это я забыл. Ну, утром забыл, – объяснил он, подозревая, что Натка не хочет отдать ему книжку.

– Что же, возьми, если твоя, – ответила Натка, заметив, как заблестели его глаза и быстро сдвинулись едва заметные брови. – Тебя как зовут?

– Алька, – отчетливо произнес он и, схватив журнал, убежал к своему месту.

Еще раз Натка увидела их уже тогда, когда она сошла в Симферополе. Алька смотрел в распахнутое окно и что-то говорил отцу, указывая рукой на голубые вершины уже недалеких гор.

Поезд умчался дальше, на Севастополь, а Натка, вскинув сумку, зашагала в город, чтобы сегодня же с первой автома-

шиной уехать на берег этого совсем незнакомого ей моря.

В синих шароварах и майке, с полотенцем в руках, извилистыми тропками спускалась Натка Шегалова к пляжу.

Когда она вышла на платановую аллею, то встретила поднимающихся в гору ребят-новичков. Они шли с узелками, баульчиками и корзинками, веселые, запыленные и усталые. Они держали наспех подобранные круглые камешки и хрупкие раковины. Многие из них уже успели набить рты кислым придорожным виноградом.

– Здорово, ребята! Откуда? – спросила Натка, поравнявшись с этой шумной ватагой.

– Ленинградцы!.. Мурманцы!.. – охотно закричали ей в ответ.

– Машиной, – спросила Натка, – или с парохода?

– С парохода, с парохода! – точно обрадовавшись хорошему слову, дружно загалдели только что приплывшие ребята.

– Ну, идите, да идите не по аллее, а сверните влево, вверх по тропке, – тут ближе.

Когда Натка уже спустилась на горячие камни, к самому берегу, то увидела, что по дороге из Ялты во весь дух катит на велосипеде старший вожатый пионерского лагеря Алеша Николаев.

– Натка, – соскакивая с велосипеда, закричал он сверху, – уральцы приехали?

– Не видала, Алеша. Ленинградцев сейчас встретила да утром человек десять каких-то. Кажется, опять украинцы.

– Ну, значит, еще не приехали… Натка, – закричал он опять, вскакивая в седло велосипеда, – выкупаешься, зайди ко мне или к Федору Михайловичу! Есть важное дело.

– Какое еще дело? – удивилась Натка, но Алеша махнул рукой и умчался под гору.

Море было тихое; вода светлая и теплая.

После всегда холодной и быстрой реки, в которой привыкла Натка купаться еще с детства, плыть по соленым спокойным волнам показалось ей до смешного легко. Она заплыла далеко. И теперь отсюда, с моря, эти кипарисовые парки, зеленые виноградники, кривые тропинки и широкие аллеи – весь этот лагерь, раскинувшийся у склона могучей горы, показался ей светлым и прекрасным.

…На обратном пути она вспомнила, что ее просил зайти Алеша. «Какие у него ко мне дела, да еще важные?» – подумала Натка и, свернув на крутую тропку, раздвигая ветви, направилась в ту сторону, где стоял штаб лагеря.

Вскоре она очутилась на полянке, возле низенькой будки с водопроводным краном. Ей захотелось пить. Вода была теплая и невкусная. Недавно неожиданно обмелел пополнявшийся горными ключами бассейн. В лагере встревожились, бросились разыскивать новые источники и наконец нашли небольшое чистое озеро, которое лежало в горах. Но работы подвигались что-то очень медленно.

…Алешу Николаева Натка не застала. Ей сказали, что он только что ушел в гараж. Оказывается, у уральцев в двенадцати километрах от лагеря сломалась машина и они прислали гонцов просить о помощи.

Гонцы – это Толька Шестаков и Владик Дашевский – сидели тут же на скамейке, раскрасневшиеся и гордые. Однако гордость эта не помешала Тольке набить по дороге карманы яблоками, а Владику – запустить огрызком в спину какому-то толстому, неповоротливому мальчугану.

Мальчуган этот долго и сердито ворочался и все никак не мог понять, от кого ему попало, потому что Толька и Владик сидели невозмутимые и спокойные.

– Ты откуда? Вас сколько приехало? – спросила Натка у неповоротливого и недогадливого паренька.

– Из-под Тамбова. Один я приехал, – басистым и застенчивым голосом ответил мальчуган. – Из колхоза я. Меня в премию послали.

– Как – в премию? – не совсем поняла Натка.

– Баранкин мое фамилие. Семен Михайлов Баранкин, – охотно объяснил мальчуган. – А послали меня в премию за то, что я завод придумал.

– Какой завод?

– Походный, фильтровальный, – серьезно ответил Баранкин, и, недоверчиво посмотрев в ту сторону, где сидели смирные и лукавые гонцы, он добавил сердито: – И кто это в спину кидается? Тут и так вспотел, а еще кидаются.

Натка не успела расспросить Баранкина подробнее, потому что с крыльца ее окликнул высокий старик. Это и был начальник лагеря, Федор Михайлович.

– Заходи, – сказал он, пропуская Натку в комнату. – Садись. Вот что, Ната, – начал он таким ласковым голосом, что Натка сразу встревожилась, – в верхнем санаторном отряде заболел вожатый Корчаганов, а помощница его Нина Карашвили порезала ногу о камень. Ну конечно, нарыв. А у нас, сама видишь, сейчас приемка, горячка; хорошо, ты так кстати подвернулась.

– Но я ничего не понимаю ни в приемке, ни в горячке, – испугалась Натка. – Я и сама тут, Федор Михайлович, третий день.

– Да тебе и понимать ничего не надо, – взмахнул длинными, костлявыми руками напористый старик. – Там есть и фельдшерица и сестры. Они сами примут. А твое дело что? Ты будешь вожатым. Ну, разобьешь по звеньям, наметишь звеньевых; выберете совет отряда. Да что тебе объяснять? Была же ты вожатым!

– Два года, – сердито ответила Натка. – А долго ли, Федор Михайлович, этот Корчаганов болеть будет? Он, может быть, еще недели две пролежит?

– Что ты, что ты! – отмахиваясь руками и качая головой, заговорил начальник. – Ну, пять, шесть дней. А там снова гуляй, сколько хочешь. Вот и хорошо, что быстро договорились. Я люблю, чтоб быстро. Ну а теперь иди, иди. А то Нина

одна совсем запуталась.

– Да сколько хоть человек в этом отряде? – унылым голосом спросила Натка.

– Там узнаешь, иди, иди, – повторил старик, поднимаясь со скрипучего камышового стула. И, широко шагая к выходу, он добавил: – Вот и хорошо. Очень хорошо, что быстро договорились.

…Всех отрядов в лагере было пять. Три дня в верхнем санаторном, куда неожиданно попала вожатой Натка, бушевала неуемная суета.

Только что прибыла последняя партия – средневолжцы и нижегородцы. Девчата уже вымылись и разбежались по палатам, а мальчики, грязные и запыленные, нетерпеливо толпились у дверей ванной комнаты.

В ванную они заходили партиями по шесть человек. Дорвавшись до воды, они визжали, барахтались, плескались и затыкали пальцами краны так, что вода била брызгами в широко распахнутое окно, из-под которого уже несколько раз доносился строгий голос копавшегося в цветочных грядках чернорабочего Гейки.

– Будет, будет вам баловаться! – хриплым басом кричал в окно босой длиннобородый Гейка. – Вот погодите, сорву крапиву да через окно крапивой. И что за баловная нация!..

Несколько раз забегал в ванную дежурный по отряду, веснушчатый пионер Иоська Розенцвейг, и, отчаянно картавя,

кричал:

– Что за безобразие? Прекратите это безобразие!

И новенькие ребята, которые еще не знали, что сам-то Иоська всего только третий день в лагере, а озорник он еще больший, чем многие из них, затихали. Под грозные Иоськины окрики они смущенно выскакивали из воды и, кое-как вытершись, натягивали трусы.

Выбегали они из ванной стайками. Чистые, в синих трусах, в серых рубахах с резинкой, и, еще не успев подвязать красные галстуки, наперегонки неслись занять очередь к парикмахеру.

– Иоська! – окликнула Натка. – Вот что, дежурный. Всех, кто от парикмахера, направляй к фельдшеру – оспу прививать… А то как по площадке гоняться, то все тут, а как оспу прививать, то никого нет. Ну-ка, быстренько!

– Оспу! – выбегая на площадку, грозно кричал маленький и большеголовый Иоська. – Кто не прививал, вылетай живо!

– Нина! – окликнула Натка, увидав на террасе свою незадачливую помощницу, которая тихонько переступала, опираясь на бамбуковую палку. – Ты зачем ходишь? Ты сиди. Сколько у нас октябрят, Нина?

– Октябрят у нас десять человек, как раз звено. К ним звеньевым надо Розу Ковалеву. А как с черкесом Ингуловым? Он, Натка, ни слова по-русски.

– Ингулова, Нина, надо в то же звено, в котором казачонок-кубанец.

– Лыбатько?

– Ну да, Лыбатько. Он немного говорит по-черкесски. А башкирку Эмине оставь пока у октябрят. Они хорошо друг друга понимают и без языка. Вот она как носится!

Из-за угла стремительно вылетел дежурный Иоська.

– Время к ужину! – запыхавшись, крикнул он, отдуваясь и подпрыгивая, как будто кто-то поймал его арканом за ногу.

– Подавай сигнал, – ответила Натка, – сейчас я приду. – «Надо Иоську в звеньевые выделить, – подумала Натка. – Маленький, смешной, а проворный парень».

В половине девятого умывались, чистили зубы. С целой пачкой градусников приходила заступившая на ночь дежурная сестра, и Натка отправлялась с коротким рапортом о делах минувшего дня к старшему вожатому всего лагеря. После этого она была свободна.

Вечер был жаркий, лунный, и с волейбольной площадки, где играли комсомольцы, долго раздавались крики, удары мяча и короткие судейские свистки.

Но Натка не пошла к площадке, а, поднявшись в гору, свернула по тропинке, к подножию одинокого утеса. Незаметно зашла она далеко, устала и села на каменную глыбу под стволом раскидистого дуба. Под обрывом чернело спокойное море. Где-то тарахтела моторная лодка. Тут только Натка разглядела, что почти рядом с ней, под тенью кипарисов, притаившись у обрыва, под скалой, без света в окнах, стоит маленький, точно игрушечный, домик. Чьи-то шаги

послышались из-за поворота, и Натка подвинулась глубже в черную тень листвы, чтобы ее не заметили. Вышли двое. Луна осветила их лица. Но даже в самую черную ночь Натка узнала бы их по голосам. Это был тот высокий, белокурый, во френче, а рядом с ним, держась за руку, шагал маленький Алька. Перед тем как подойти к дереву, в тени которого пряталась Натка, они, по-видимому, о чем-то поспорили и несколько шагов прошли молча. – А как по-твоему, – останавливаясь, спросил высокий, – стоит ли нам, Алька, из-за таких пустяков ссориться? – Не стоит, – согласился мальчуган и добавил сердито: – Папка, папка, ты бы меня хоть на руки взял. А то мы все идем да идем, а дома все нет и нет. – Как нет? Вот мы и пришли! Ну, смотри – вот дом, а вот я уже и ключ вынул. Они свернули к крыльцу, и вскоре в крайнем окошке, выходящем на море, вспыхнул свет. «Они через Севастополь приехали, – догадалась Натка. – Что же они здесь делают?»

…В комнате у дежурной сестры Натке сказали, что Толька Шестаков, подкравшись на четвереньках в палату к девчонкам, тихонько схватил башкирку Эмине за пятку, отчего эта башкирка ужасно заорала, да рыжеволосая толстушка Вострецова долго хохотала и мешала девчатам спать. А в общем, улеглись спокойно. Это порадовало Натку, и она пошла за угол в свою комнатку, которая была здесь же, рядом с палатами. Ночь была душная. Ночью в море что-то гре-

мело, но спала Натка крепко и к рассвету увидела хороший сон. Проснулась Натка около семи. Завернувшись в простыню, она пошла под душ. Потом босиком вышла на широкую террасу. Далеко в море дымили уходящие к горизонту военные корабли. Отовсюду из-под густой непросохшей зелени доносилось звонкое щебетанье. Неподалеку от террасы чернорабочий Гейка колол дрова. – Хорошо! – негромко крикнула Натка и рассмеялась, услыхав откуда-то из-под скалы такой же, как и ее, вскрик – веселое, чистое эхо. – Натка… ты что? – услышала она позади себя удивленный голос. – Корабли, Нина… – не переставая улыбаться, ответила Натка, указывая рукой на далекий сверкающий горизонт. – А ты слышала, Натка, как сегодня ночью они в море бахали? Я проснулась и слышу: у-ух! у-ух! Встала и пошла к палатам. Ничего, все спят. Один Владик Дашевский проснулся. Я ему говорю: «Спи». Он лег. Я – из палаты. А он шарах на террасу. Забрался на перила, ухватился руками за столб, и не оторвешь его. А в море огни, взрывы, прожекторы. Мне и самой-то интересно. Я ему говорю: «Иди, Владик, спать». И просила, и ругала, и обещала на линейке вызвать. А он стоит, молчит, ухватился за столб и как каменный. Неужели ты ничего не слыхала? – Нина, – помолчав, спросила Натка, – ты не встречала здесь таких двоих?… Один высокий, в сапогах и в сером френче, а с ним маленький, белокурый, темноглазый мальчуган. – В сером френче… – повторила Нина. – Нет, Натка, в сером френче с мальчуганом не встречала. А

кто это? – Я и сама не знаю. Такой забавный мальчуган. – Видела я человека во френче, – не сразу вспомнила Нина. – Только тот был без мальчугана и ехал верхом по тропке в горы. Конь у него был высокий, худой, а сапоги грязные.

– И большой шрам на лице, – подсказала Натка.

– Да, большой шрам на лице. Это кто, Натка? – спросила Нина и с любопытством посмотрела на подругу.

– Не знаю, Нина.

– Я встал, можно звонить подъем? – басистым голосом сообщил, выдвигаясь из-за двери, дежурный.

– Можно, – сказала Натка. – Звони. – «Экий увалень!» – подумала она, глядя, как, размахивая короткими руками, Баранкин уверенно направился к колоколу.

Это и был тот самый пионер тамбовского колхоза Баранкин, которого послали «в премию» за то, что он во время весеннего сева организовал походный ремонтно-фильтровальный завод.

Все оборудование этого завода умещалось на ручной тележке и состояло из двух лоханей, одного решета, трех старых мешков, двух скребков и кучи тряпок. И, выезжая в поле за тракторами, этот ребячий завод фильтровал воду для моторов и во время стоянок очищал тракторы от грязи.

Баранкин подошел к колоколу, крепко зажал в кулак конец лохматой бечевки и ударил так здорово, что разом обернувшиеся Нина и Натка закричали ему, чтобы он звонил потише.

…Среди соснового парка, на песчаном бугре, ребята, разбившись кучками, расположились на отдых.

Занимался каждый чем хотел. Одни, собравшись возле Натки, слушали, что читала она им о жизни негров, другие что-то записывали или рисовали, третьи потихоньку играли в камешки, четвертые что-то строгали, пятые просто ничего не делали, а, лежа на спине, считали шишки на соснах или потихоньку баловались.

Владик Дашевский и Толька Шестаков разместились очень удобно. Если они повертывались на правый бок, было слышно то, что читала Натка про негров. Если на левый, им было слышно то, что читал Иоська про полярные путешествия ледокола «Малыгин». Если отползти немного назад, то можно было из-за куста, и очень незаметно, запустить в спину Кашину и Баранкину еловую шишку. И, наконец, если подвинуться немного вперед, можно было кончиком прута пощекотать пятки башкирки Эмине, которая бойко обставляла в камешки трех русских девочек и затесавшегося к ним октябренка Карасикова.

Так они и сделали. Послушали и про негров, и про ледокол. Бросили две шишки в спину Баранкину, но не решились провести Эмине прутом по пяткам, потому что заранее знали, что подпрыгнет она с таким визгом, как будто ее за ногу ухватила собака.

– Толька, – спросил Владик, – а ты слышал, как ночью

сегодня бабахнуло? Я сплю, вдруг бабах… бабах… Как на фронте. Это корабли в море стреляли. У них маневры, что ли. А я, Толька, на фронте родился.

– Врать-то! – равнодушно ответил Толька. – Ты всегда что-нибудь да придумаешь.

– Ничего не врать, мне мама все рассказала. Они тогда возле Брест-Литовска жили. Ты знаешь, где в Польше Брест-Литовск? Нет? Ну, так я тебе потом на карте покажу. Когда пришли в двадцатом красные, этого мать не запомнила. Тихо пришли. А вот когда красные отступали, то очень хорошо запомнила. Грохот был или день, или два. И день и ночь грохот. Сестренку Юльку да бабку Юзефу мать в погреб спрятала. Свечка в погребе горит, а бабка все бормочет, молится. Как чуть стихнет, Юлька наверх вылезает. Как загрохочет, она опять нырк в погреб.

– А мать где? – спросил Толька. – Ты все рассказывай, по порядку.

– Я и так по порядку. А мать все наверху бегает: то хлеб принесет, то кринку молока достанет, то узлы завязывает. Вдруг к ночи стихло. Юлька сидит. Нет никого, тихо. Хотела она вылазить. Толкнулась, а крышка погреба заперта. Это мать куда-то ушла, а сверху ящик поставила, чтобы она никуда не вылазила. Потом хлопнула дверь – это мать. Открыла она погреб. Запыхалась, сама растрепанная. «Вылезайте», – говорит. Юлька вылезла, а бабка не хочет. Не вылазит. Насилу уговорили ее. Входит отец с винтовкой. «Готовы? – спра-

шивает. – Ну, скорее». А бабка не идет и злобно на отца ругается.

– Чего же это она ругалась? – удивился Толька.

– Как отчего? Да оттого ругалась, зачем отец поляк, а с русскими красными уходит.

– Так и не пошла?

– И не пошла. Сама не идет и других не пускает. Отец как посадил ее в угол, так она и села. Вышли наши во двор да на телегу. А кругом все горит: деревня горит, костел горит… Это от снарядов. А дальше у матери все смешалось: как отступали, как их окружали, потому что тут на дороге я родился. Из-за меня наши от красных отбились и попали в плен к немцам, в Восточную Пруссию. Там мы четыре или пять лет и прожили.

– Отец-то почему с винтовкой приходил?

– А он, Толька, в народной милиции был. Когда в Польшу пришли красные, так у нас народная милиция появилась. Помещиков ловили и еще там разных… Как поймают, так и в ревком.

– Нельзя было отцу оставаться, – согласился Толька. – Могли бы, пожалуй, потом и повесить.

– Очень просто. У нас дедушка нигде не был, только в ревкоме рассыльным, и то год в тюрьме держали. А сестра у меня – ей уже сейчас двадцать восемь лет, – так она и теперь в тюрьме сидит. Сначала посадили ее – три года сидела. Потом выпустили – три года на воле была. Теперь опять поса-

дили. И уже четыре года сидит.

– Скоро опять выпустят?

– Нет, еще не скоро. Еще четыре года пройдет, тогда выпустят. Она в Мокотовской тюрьме сидит. Оттуда скоро не выпускают.

– Она коммунистка?

Владик молча кивнул головой, и оба притихли, обдумывая свой разговор и прислушиваясь к тому, что читала Натка о неграх.

– Толька! – тихо и оживленно заговорил вдруг Владик. – А что, если бы мы с тобой были ученые? Ну, химики, что ли. И придумали бы мы с тобой такую мазь или порошок, которым если натрешься, то никто тебя не видит. Я где-то такую книжку читал. Вот бы нам с тобой такой порошок!

– И я читал… Так ведь все это враки, Владик, – усмехнулся Толька.

– Ну и пусть враки! Ну а если бы?

– А если бы? – заинтересовался Толька. – Ну, тогда мы с тобой уж что-нибудь придумали бы.

– Что там придумаешь! Купили бы мы с тобой билеты до заграницы.

– Зачем же билеты? – удивился Толька. – Ведь нас бы и так никто не увидел.

– Чудак ты! – усмехнулся Владик. – Так мы бы сначала, не натершись, поехали. Что нам на советской стороне натираться? Доехали бы мы до границы, а там пошли бы в поле

и натерлись. Потом перешли бы границу. Стоит жандарм – мы мимо, а он ничего не видит.

– Можно было бы подойти сзади да кулаком по башке стукнуть, – предложил Толька.

– Можно, – согласился Владик. – Он, поди-ка, тоже, как Баранкин, все оглядывался бы, оглядывался: откуда это ему попало?

– Вот уж нет, – возразил Толька. – В Баранкина это мы потихоньку, в шутку. А тут так дернули бы, что, пожалуй, и не завертишься. Ну ладно! А потом?

– А потом… потом поехали бы мы прямо к тюрьме. Убили бы одного часового, потом дальше… Убили бы другого часового. Вошли бы в тюрьму. Убили бы надзирателя…

– Что-то уж очень много убили бы, Владик! – поежившись, сказал Толька.

– А что их, собак, жалеть? – холодно ответил Владик. – Они наших жалеют? Недавно к отцу товарищ приехал. Так когда стал он рассказывать отцу про то, что в тюрьмах делается, то меня мать на улицу из комнаты отослала. Тоже умная! А я взял потихоньку сел в саду под окошком и все до слова слышал. Ну вот, забрали бы мы у надзирателя ключи и отворили бы все камеры.

– И что бы мы сказали? – нетерпеливо спросил Толька.

– Ничего бы не сказали. Крикнули бы: «Бегите, кто куда хочет!»

– А они бы что подумали? Ведь мы же натертые, и нас не

видно.

– А было бы им время раздумывать? Видят – камеры отперты, часовые побиты. Небось сразу бы догадались.

– То-то бы они обрадовались, Владик!

– Чудак! Просидишь четыре года да еще четыре года сидеть, конечно, обрадуешься… Ну а потом… потом зашли бы мы в самую богатую кондитерскую и наелись бы там разных печений и пирожных. Я один раз в Москве четыре штуки съел. Это когда другая сестра, Юлька, замуж выходила.

– Нельзя наедаться, – серьезно поправил Толька. – Я в этой книжке читал, что есть ничего нельзя, потому что пирожные – они ведь не натертые, их наешься, а они в животе просвечивать будут.

– А ведь и правда будут! – согласился Владик. И оба они расхохотались.

– Сказки все это, – помолчав, сознался и сам Владик. – Все это сказки. Чепуха!

Он отвернулся, лег на спину и долго смотрел в небо, так что Тольке показалось, что он прислушивается к тому, что читает Натка.

Но Владик не слушал, а думал о чем-то другом.

– Сказки, – повторил он, поворачиваясь к Тольке. – А вот в Австрии есть коммунист один. Он раньше солдатом был. Потом стал коммунистом. Так этот и без всяких натираний невидимый.

– Как – невидимый? – насторожился Толька.

– А так. С тех пор как убежал он из тюрьмы, три года его полиция ищет и все никак найти не может. А он то здесь появится, то там, у нас. В Львове он прямо открыто на собрании деповских рабочих выступил. Все так и ахнули. Пока полиция прибежала, а он уже полчаса проговорил.

– Ну, и что же полиция? Ну, и куда же он девался?

– А вот поди спроси куда, – с гордостью ответил Владик. – Как только полиция в двери, вдруг хлоп… свет погас. А окон много, и все окна почему-то распахнуты. Кинулась полиция к механику, а механик кричит, ругается. «Идите, – говорит, – к черту! У меня и без того беда: кажется, обмотка якоря перегорела».

– Так это он нарочно! – с восхищением воскликнул Толька.

– А вот поди-ка ты докажи, нарочно или не нарочно, – усмехнулся Владик и добавил уже снисходительно: – Рабочие прячут, оттого и невидимый. А ты что думал? Порошок, что ли?

Издалека донесся гул колокола – к обеду, и ребятишки, хватая подушки, простыни и полотенца, с визгом повскакали со своих мест.

После обеда полагалось ложиться отдыхать. Но в третьей палате плотники еще с утра пробивали новую дверь на террасу. Койки были вынесены, на полу валялись стружки и штукатурка, а плотники запаздывали.

Поэтому второму звену разрешено было отдыхать в парке.

Владик и Толька забрались в орешник. Толька вскоре задремал, но Владику не спалось. Он ждал сегодня важного письма, но почтальон к обеду почему-то не приехал.

Владик вертелся с боку на бок и с завистью глядел на спокойно похрапывающего Тольку. Вскоре вертеться ему надоело, он приподнялся и подергал Тольку за ногу:

– Вставай, Толька! Чего спишь? Ночью выспишься.

Но Толька дрыгнул ногой и повернулся к Владику спиной. Владик рассердился и дернул Тольку за руку:

– Вставай… вставай, Толька! Кругом измена! Все в плену. Командир убит… Помощник контужен. Я ранен четырежды, ты трижды. Держи знамя! Бросай бомбы! Трах-та-ба-бах! Отобьемся!..

И, всучив ошалелому Тольке полотенце вместо знамени и старый сандалий вместо бомбы, Владик потащил товарища через кусты под горку.

– За такие дела можно и по шее… – начал было рассерженный Толька.

– Отбились! – торжественно заявил Владик. – За такие геройские дела представляю тебя к ордену. – И, сорвав колючий репейник, Владик прицепил его к Толькиной безрукавке. – Брось, Толька, дуться! Вон под горою какой-то дом. Вон за горою какая-то вышка. Вон там, в овраге, что-то стучит. Вон под ногами у нас кривая тропка. Что за дом? Что за вышка? Кто стучит? Куда тропка? Гайда, Толька! Все спят, никого нет, и мы все разведаем.

Толька зевнул, улыбнулся и согласился.

Быстро, но осторожно, чтобы никому не попасться на глаза, они перебегали дорожки, ныряли в чащу кустарника, пролезали через колючие ограды, ползли вверх, спускались вниз, ничего не оставляя на своем пути незамеченным.

Так они наткнулись на ветхую беседку, возле которой стояла позеленевшая каменная статуя. Потом нашли глубокий заброшенный колодец. Затем попали в фруктовый сад, откуда мгновенно умчались, заслышав ворчанье злой собаки.

Продравшись через колючие заросли дикой ажины, они очутились на заднем дворе небольшой лагерной больницы.

Они осторожно заглянули в окно и в одной из палат увидели незнакомого мальчишку, который, скучая, лениво вертел красное яблоко.

Они легонько постучали в стекло и приветливо помахали мальчишке руками. Но мальчишка рассердился и показал им кулак. Они обиделись и показали целых четыре. Тогда злорадный мальчишка неожиданно громко заорал, призывая няньку. Испуганные ребята разом перемахнули через ограду и помчались наугад по тропинке.

Вскоре они очутились высоко над берегом моря. Слева громоздились изрезанные ущельями горы. Справа, посреди густого дубняка и липы, торчали остатки невысокой крепости.

Ребята остановились. Было очень жарко.

Торжественно гремел из-за пыльного кустарника мощный

хор невидимых цикад.

Внизу плескалось море. А кругом – ни души.

– Это древняя крепость, – объяснил Владик. – Давай, Толька, поищем, может быть, и наткнемся на что-нибудь старинное.

Искали они долго. Они нашли выцветшую папиросную коробку, жестяную консервную банку, стоптанный башмак и рыжий собачий хвост. Но ни старинных мечей, ни заржавленных доспехов, ни тяжелых цепей, ни человечьих костей им не попалось.

Тогда, раздосадованные, они спустились вниз. Здесь, под стеной, меж колючей травы, они наткнулись на темное, пахнувшее сыростью отверстие.

Они остановились, раздумывая, как быть. Но в это время издалека, от лагеря, похожий отсюда на комариный писк, раздался сигнал к подъему.

Надо было уходить, но они решили вернуться сюда еще раз, захватив бечевку, палку, свечку и спички.

Полдороги они пробежали молча. Потом устали и пошли рядом.

– Владик, – с любопытством спросил Толька, – вот ты всегда что-нибудь выдумываешь. А хотел бы ты быть настоящим старинным рыцарем? С мечом, со щитом, с орлом, в панцире?

– Нет, – ответил Владик. – Я хотел бы быть не старинным, со щитом и с орлом, а теперешним, со звездою и с маузером.

Как, например, один человек.

– Как кто?

– Как Дзержинский. Ты знаешь, Толька, он тоже был поляк. У нас дома висит его портрет, и сестра под ним написала по-польски: «Милый рыцарь. Смелый друг всего пролетариата». А когда он умер, то сестра в тюрьме плакала и вечером на допросе плюнула в лицо какому-то жандармскому капитану.

Пароход с почтой запоздал, и поэтому толстый почтальон, тяжело пыхтя и опираясь на старую суковатую палку, поднялся в гору только к ужину.

Отмахиваясь от обступивших его ребят, он называл их по фамилиям, а тех, кого знал, то и просто по именам.

– Коля, – говорил он басом и тащил за рукав тихо стоявшего мальчугана, – ну-ка, брат, распишись. Да не лезьте под руки, озорной народ! Дайте человеку расписаться. Тебе, Мишаков, нет письма. Тебе, Баранкин, письмо. И кто это тебе такие толстые письма пишет?

– Это мне брат из колхоза пишет, – громко отвечал Баранкин, крепко напирая плечом и протискиваясь сквозь толпу ребят. – Это брат Василий. У меня два брата. Есть брат Григорий – тот в Красной Армии, в броневом отряде. А это брат Василий – он у нас в колхозе старшим конюхом. Григория взяли, а Василий уже отслужил. У нас три брата да три сестры. Две грамотных, а одна еще неграмотная, мала девка.

– А теток у тебя сколько?

– А корова у вас есть?

– А курицы есть? А коза есть? – закричали Баранкину сразу несколько человек.

– Теток у меня нет, – охотно отвечал Баранкин, протягивая руку за шершавым пакетом. – Корова у нас есть, свинью закололи, только поросенок остался. А коз у нас в деревне не держат. От козы нам пользы мало, только огороду потрава. И что смеетесь? – добродушно и удивленно обернулся он, услышав вокруг себя дружный смех. – Сами спрашивают, а сами смеются.

Когда уже большинство ребят разошлось, то подошел Владик Дашевский и спросил, нет ли письма ему. Письма не было. Он неожиданно погрозил пальцем почтальону, потом равнодушно засвистел и пошел прочь, сбивая хлыстиком верхушки придорожной травы.

Натка Шегалова получила заказное с Урала от подруги – от Веры.

Сразу после ужина весь санаторный отряд ушел с Ниной на нижнюю площадку, где затевались игры.

В просторных палатах и на широкой лужайке перед террасой стало по-необычному тихо и пусто.

Натка прошла к себе в комнату, распечатала письмо, из которого выпал потертый и почему-то пахнувший керосином фотоснимок.

Возле толстого, охваченного чугунными брусьями столба, опустившись на одно колено и оттягивая пряжки кривой же-

лезной «кошки», стояла Вера. Ее черная глухая спецовка была перетянута широким брезентовым поясом, а к металлическим кольцам пояса были пристегнуты молоток, плоскогубцы, кусачки и еще какие-то инструменты.

Было понятно и то, что Верка собирается забраться на столб и что она торопится, потому что неподалеку от нее смотрел на провода не то инженер, не то электротехник, а рядом с ним стоял кто-то маленький, черноволосый – вероятно, бригадир или десятник. И лицо у этого черноволосого было озабоченное и сердитое, как будто его только что крепко выругали. День был солнечный. Вдалеке виднелись неясные серые громады незаконченных построек и клочья густого, черного дыма.

Письмо было короткое. Верка писала, что жива, здорова. Что практика скоро кончается. Что за работу по досрочному монтажу понижающей подстанции она получила премию. Что за короткое замыкание она получила выговор. А в общем, все хорошо – устала, поздоровела и перед началом занятий обязательно заедет с Урала в Москву, и там хорошо бы с Наткой встретиться.

Натка задумалась. Она с любопытством посмотрела еще раз на черную пыльную спецовку, на тяжелые, толстые ботинки, на ту торопливую хватку, с которой пристегивала Верка железные десятифунтовые «кошки», и с досадой отодвинула фотоснимок, потому что она завидовала Верке.

Неожиданно обе половины оконной занавески раздвину-

лись, и оттуда высунулась круглая голова Баранкина.

– Баранкин, – удивилась и рассердилась Натка, – ты почему не на площадке? Ребята играют, а ты что?

– Это не игра, – убежденно произнес Баранкин, наваливаясь грудью на подоконник. – Ну, завязали мне ноги в мешок – беги, говорят. Я шагнул – и бац на землю. Шагнул – и опять бац. А они смеются. Потом положили в ложку сырое яйцо, дали в руки и опять – беги! Конечно, яйцо хлоп и разбилось. Разве же это игра? У нас в колхозе за такую игру и хворостиной недолго. – Он укоризненно посмотрел на Натку и добродушно добавил: – Я тут буду. Никуда не денусь. А лучше пойду помогу Гейке дрова пилить.

Круглая голова Баранкина скрылась.

Но через минуту раскрасневшееся лицо его опять просунулось в комнату.

– Забыл, – спокойно сказал он, увидав недовольное лицо Натки. – Проходил мимо площадки, где комсомольцы в мяч играют. Остановили и наказывают: беги шибче, и если Шегалова свободна, пусть скорее идет. Совсем забыл, – повторил он и, неловко улыбнувшись, почему-то вспомнил: – У нас в колхозе как-то ночью амбар подожгли. Брата не было. Кинулся я в сарай лошадь запрягать – темно. А чересседельник с гвоздя как соскочит да мне прямо по башке. Так всю память и отшибло. Насилу я во двор вылез. А амбар горит, горит…

– Баранкин, – спросила Натка, положив руку на его креп-

кое плечо, – у тебя мать есть?

– Есть. Александрой зовут, – охотно и обрадованно ответил Баранкин. – Александра Тимофеевна. Она у нас в колхозе скотницей. Всю эту весну пролежала. Теперь ничего… поздоровела. Бык ее в грудь боднул. У нас хороший бык, породистый. В Моршанске прошлую зиму колхоз за шестьсот рублей купил… Иду, иду! – крикнул Баранкин, оборачиваясь на чей-то далекий хриплый окрик. – Это Гейка зовет, – объяснил он. – Мы с ним дружки.

Когда Натка спускалась к площадке, солнце уже скрывалось за морем. Бесшумно заскользили серые вечерние стрижи. Задымили сторожевые костры на виноградниках. Зажглись зеленые огни створного маяка. Ночь надвигалась быстро, но игра была в самом разгаре.

«Хорошие свечки дает Картузик», – подумала Натка, глядя на то, как тугой мяч гулко взвился к небу, повис на мгновенье над острыми вершинами старых кипарисов и по той же прямой плавно рванулся к земле. Натка подпрыгнула, пробуя, крепко ли затянуты сандалии, поправила косынку и, уже не спуская глаз с мяча, подбежала к сетке и стала на пустое место, слева от Картузика.

– Пасовать, – вполголоса строго сказал ей Картузик.

– Есть пасовать, – также вполголоса ответила она и сильным ударом послала мяч далеко за сетку.

– Пасовать, – повторил Картузик. – Спокойней, Натка.

Но вот он, крученый, хитрый мяч, метнулся сразу на тре-

тью линию. Отбитый косым ударом, мяч взвился прямо над головой отпрыгнувшего Картузика.

– Дай! – вскрикнула Натка Картузику.

– Возьми! – ответил Картузик.

– Режь! – вскрикнула Натка, подавая ему невысокую свечку.

– Есть! – ответил он и с яростью ударил по мячу вниз.

– Один – ноль, – объявил судья и, засвистев, предупредил: – Шегалова, Картузик, не переговариваться, а то запишу штрафное очко.

Натка рассмеялась. Невозмутимый Картузик улыбнулся, и они хитро и понимающе переглянулись.

– Шегалова, – крикнул ей кто-то из ребят, – тебя Алеша Николаев зачем-то ищет!

– Еще что! – отмахнулась Натка. – Что ему ночью надо? Там Нина осталась.

Темнота сгущалась. На счете один – ноль догорела заря. На восемь – пять зажглись звезды. А когда судья объявил сетбол, то из-за гор вылезла такая ослепительно яркая луна, что хоть опять начинай всю игру сначала.

– Сетбол! – крикнул судья, и почти тотчас же черный мяч взвился высоко над серединой сетки.

«Дай!» – глазами попросила Натка у Картузика.

«Возьми!» – ответил он молчаливым кивком головы.

«Режь!» – зажмуривая глаза, вздрогнула Натка и еще втемную услышала глухой удар и звонкий свисток судьи.

– Шегалова и Картузик, не переговариваться! – добродушно сказал судья. Но уже не в виде замечания, а как бы предупреждая.

Возвращаясь домой, Натка встретила Гейку; он волок за собой под гору целую кипу гремящих и подпрыгивающих жердей. Узнав Натку, он остановился.

– Федор Михайлович спрашивал, – угрюмо сообщил он Натке. – Меня посылал искать, да я не нашел. Не знаю, зачем-то шибко ему понадобились.

«Что-нибудь случилось?» – с тревогой подумала Натка и круто свернула с дороги влево. Маленькие камешки с шорохом посыпались из-под ее ног. Быстро перепрыгивая от куста к кусту, по ступенчатой тропинке она спустилась на лужайку.

Все было тихо и спокойно. Она постояла, раздумывая, стоит ли идти в штаб лагеря или нет, и, решив, что все равно уже поздно и все спят, тихонько прошла в коридор. Прежде чем зайти к дежурной и узнать, в чем дело, она зашла к себе, чтобы вытряхнуть из сандалий набившиеся туда острые камешки. Не зажигая огня, она села на кровать. Одна из пряжек что-то не расстегивалась, и Натка потянулась к выключателю. Но вдруг она вздрогнула и притихла: ей показалось, что в комнате она не одна.

Не решаясь пошевельнуться, Натка прислушалась и теперь, уже ясно расслышав чье-то дыхание, поняла, что в комнате кто-то спрятан. Она тихонько повернула выключатель.

Вспыхнул свет.

Она увидела, что у противоположной стены стоит небольшая железная кровать, а в ней крепко и спокойно спит все тот же и знакомый и незнакомый ей мальчуган. Все тот же белокурый и темноглазый Алька.

Все это было очень неожиданно, а главное – совсем непонятно.

Свет ударил спящему Альке в лицо, и он заворочался. Натка сдернула синий платок и накинула его поверх абажура.

Зашуршала дверь, и в комнату просунулось сонное лицо дежурной сестры.

– Ольга Тимофеевна, – полушепотом спросила Натка, – кто это? Почему это?

– Это Алька, – равнодушно ответила дежурная. – Тебя весь вечер искали, искали. Тебе на столе записка.

Записка была от Алешки Николаева.

«Натка! – писал Алеша. – Это Алька, сын инженера Ганина, который работает сейчас по водопроводке у Верхнего озера. Сегодня случилась беда: перерезали подземный ключ, и вода затопляет выемки. Сам инженер уехал к озеру. Ты не сердись – мы поставили пока кровать к тебе, а завтра что-нибудь придумаем».

Возле кроватки стояла белая табуретка. На ней лежали синие трусики, голубая безрукавка, круглый камешек, картонная коробочка и цветная картинка, изображавшая одинокого всадника, мчавшегося под ослепительно яркой пятиконеч-

ной звездой.

Натка открыла коробочку, и оттуда выпрыгнули к ней на колени два серых кузнечика.

Натка тихонько рассмеялась и потушила свет. На Алешу Николаева она не сердилась.

…Не доезжая до верхних бараков у новой плотины, инженер свернул ко второму участку. Еще издалека он увидел в беспорядке выкинутые на берег тачки, мотыги и лопаты. Очевидно, вода застала работавших врасплох.

Инженер соскочил с коня. Мутная жижа уже больше чем на полтора метра залила выемку. В воде торчал невыдернутый разметочный кол и спокойно плавали две деревянные лопаты.

Инженер понял, что, поднявшись еще на полметра, вода пойдет назад, заливая соседнюю впадину, а когда вода поднимется еще на метр, перельется через гребень и, круто свернув направо, затопит и сорвет первый участок, на котором шли работы по прокладке деревянных желобов.

– Плохо, Сергей Алексеевич! – закричал старший десятник Дягилев, спускаясь с горы впереди двух подвод, которые, с треском ломая кустарник, волокли доски и бревна.

– Когда прорвало? – спросил инженер. – Шалимов где?

– Разве же с таким народом работать можно, Сергей Алексеевич? С таким народом только из пустого в порожнее переливать. Прорвало часов в девять. Шалимовская бригада

работала… Как рвануло это снизу, им бы сейчас же брезент тащить да камнями заваливать, а они – туды-сюды, меня искать… Пока то да се, пока меня разыскали, а ее – дыру-то – чуть ли не в сажень разворотило.

– Шалимов где?

– Сейчас придет. В своей деревне рабочих собирает.

Всю ночь стучали топоры, полыхали костры и трещали смоляные факелы. К рассвету сколотили плот и целых три часа сбрасывали рогожные кули со щебнем в то место, откуда била прорвавшаяся вода.

И когда наконец, сбросив последнюю груду балласта, забили подводную дыру, мокрый, забрызганный грязью инженер вытер раскрасневшееся лицо и сошел на берег.

Но едва только он опустился на колени, доставая из костра горящий уголек, как на берегу раздались шум, крики и ругань. Он вскочил и отшвырнул нераскуренную папиросу.

Вырываясь со дна гораздо правее, чем в первый раз, вода клокотала и пенилась, как в кипящем котле. Закупоренную родниковую жилу прорвало в другом месте, и, по-видимому, прорвало еще сильнее, чем прежде.

Мимо обозленных землекопов инженер подошел к Дягилеву и Шалимову. Он повел их по краю лощины к тому месту, где лощина была перегорожена невысокой, но толстой каменистой грядой.

– Вот! – сказал он. – Поставим сюда тридцать человек. Ройте поперек, и мы спустим воду по скату.

– Грунт-то какой, Сергей Алексеевич! – возразил Дягилев, переглядываясь с Шалимовым. – Хорошо, если сначала от силы метров сорок за сутки возьмем, а дальше, сами видите, голый камень.

– Ройте, – повторил инженер. – Ройте посменно, без перерыва. А дальше взорвем динамитом.

– Нет у нас динамита, Сергей Алексеевич, напрасно только людей измотаем.

– Ройте, – отвязывая повод застоявшегося коня, повторил инженер. – Надо достать, а то пропала вся наша работа.

Спустившись в лагерь и не заходя к Альке, инженер пошел к телефону и долго, настойчиво вызывал Севастополь. Наконец он дозвонился, но из Взрывсельпрома ему ответили, что без наряда от Москвы динамита ему не могут отпустить ни килограмма.

Выехав на шоссейную дорогу, инженер повернул направо и по-над берегом моря рысью поскакал к мысу, где среди скалистого парка высились красивые белые здания. Это было прежде богатое поместье, а теперь шеф пионерского лагеря, дом отдыха ЦИК и Совнаркома – Ай-Су.

Соскочив у высокой узорной решетки, он зашел в дежурку и спросил, есть ли среди отдыхающих товарищи Самарин или Гитаевич. Ему ответили, что Самарин еще с утра уехал в Ялту и вернется только к вечеру, а Гитаевич здесь.

Инженер взял пропуск и, похлопывая плетью о голенище грязного сапога, пошел к виднеющемуся в глубине аллеи

просвету.

Гитаевича он встретил у лесенки, ведущей к морю. Это был черноволосый, с проседью человек в больших круглых очках, с широкой черной бородой.

– Здравствуйте! – громко сказал инженер, прикладывая руку к козырьку.

Гитаевич с удивлением посмотрел на этого внезапно возникшего человека в грязных сапогах и в запачканном глиною френче.

– Ба!.. Ба!.. Сергей! – улыбаясь, заговорил он резким, каркающим голосом. – Откуда? И в каком виде – сапоги, френч… нагайка! Что ты, прямо из разведки в штаб полка?

– Дело, товарищ Гитаевич, – сказал Сергей, сжимая протянутую руку. – Спешное дело.

– Уволь, уволь, – заговорил Гитаевич, усаживаясь на скамейку. – Газет не читаю, телеграмм не распечатываю. О чем хочешь? Старину вспомним… дивизию, Бессарабию. Так поговорим – это с большим удовольствием, а от дела избавь. У меня здесь ни чина, ни должности, ни обязанностей. Лежу на солнышке да вот, видишь, стихи читаю.

– Дело, товарищ Гитаевич, – упрямо повторил Сергей. – Если бы не важное, то и не просил бы.

– Палицын где?… Матусевич? И этот… как его? Ну, со шрамом на щеке… Ах ты! Да как же его, этого, что со шрамом? – как бы не расслышав Сергея, продолжал Гитаевич.

– Много со шрамами было, товарищ Гитаевич. Я и сам со

шрамом, – продолжал Сергей. – Мне динамит нужен. Взрывсельпром не дает. Говорит, Москву запрашивать надо. А если вы напишете, то даст. Ваш дом отдыха – наш шеф. Вы отдыхаете, значит, вы тоже шеф.

– Какой динамит? Какие шефы? – с раздражением и беспокойством переспросил Гитаевич. – И откуда ты на мою голову свалился? Я выкупался, иду, читаю стихи, а он вдруг: дело… динамит… шефы… Ну, что у тебя такое? Наверное, какая-нибудь ерунда?

– Дело ерундовое, – согласился Сергей и рассказал все, что ему было нужно.

Окончилось тем, что Гитаевич поморщился, взял протянутую ему бумагу, карандаш, что-то написал и передал Сергею.

– Возьми, – грубовато сказал он. – От тебя не отстанешь.

– Ваша школа, товарищ Гитаевич, – ответил Сергей и, спрятав бумагу, добавил: – Знавал я на Украине одного комиссара дивизии, которого однажды командующий на гауптвахту посадил. Иначе, говорит, этот не отстанет.

Прищурив под дымчатыми стеклами узкие строгие глаза, Гитаевич взглянул искоса и насмешливо, как бы подбадривая Сергея: ну, дескать, продолжай, продолжай. Но Сергей теперь и сам неспроста посматривал на Гитаевича и молча доставал из портсигара папиросу.

– Так посадил, говоришь? – неожиданно веселым, но все тем же каркающим голосом спросил Гитаевич, и, взяв Сергея

за руку, он дружески хлопнул его по плечу. – Давно это было, Сергей, – уже тише добавил он.

– Давно, товарищ Гитаевич.

– Так ты теперь не в армии?

– Инженер. Командир запаса.

– Почему же, Сережа, ты инженер? Я что-то не припоминаю, чтобы у тебя какие-нибудь инженерские задатки были… Постой, куда же ты? – спросил Гитаевич, увидав, что Сергей поднимается и застегивает полевую сумку. – Да, у тебя динамит. Ну, когда выберешь свободное время, заходи. Только заходи без всякого дела. Пойдем к морю, выкупаемся, поговорим. Ты один? – глядя в лицо Сергея и почему-то тише и ласковей спросил Гитаевич.

– Один. То есть нас двое – я и Алька, – ответил Сергей. – Двое, я и сын, – повторил он и замолчал.

– Ну, до свиданья, – сказал Гитаевич, который, по-видимому, что-то хотел сказать или о чем-то спросить, но раздумал – не сказал и не спросил, а только крепче, чем обыкновенно, пожал протянутую ему руку.

Чтобы сократить путь к озеру, Сергей взял наперерез через тропку, но, еще не доезжая до перевала, он вспомнил, что позабыл заехать в лагерь и заказать машину на Севастополь. Досадуя на свою оплошность и опасаясь, как бы машину не угнали в другое место, он остановил усталого коня.

Тропинка была глухая, заросшая травою и засыпанная мелкими камнями. Неподалеку торчали остатки маленькой

старинной крепости с развалившейся башенкой, на обломках которой густо разросся низкорослый кудрявый кустарник.

Конь насторожил уши, – на тропку из-за кустов выскочили два мальчугана. Один из них держал палку, к концу которой была привязана обыкновенная стеариновая свеча, а другой тащил большой клубок тонкой бечевки. Столкнувшись с незнакомым человеком, оба они смутились.

– Из лагеря? – спросил Сергей. – А ну-ка, подите сюда!

– Из лагеря, – хмуро и неохотно ответил тот, который был повыше, стараясь спрятать за спину палку со свечой. – Мы гуляли.

– Вот что, – сказал Сергей. – Вы потом погуляете, а сейчас я вам дам записку. Тащите ее во весь дух к начальнику лагеря и скажите: пусть через час приготовит мне машину на Севастополь.

Пока он писал, оба мальчугана переглянулись, и старший успокоенно кивнул младшему.

Догадавшись, что встретившийся человек ни в чем плохом их не подозревает, они охотно приняли записку и поспешно скрылись в кустарнике.

В горах на месте катастрофы вода разлилась широко.

Над низовым кустарником, пронзительно чирикая, носились встревоженные пичужки. Сухие травы, стебли, рыжая пухлая пена – все это плавало и кружилось на поверхности мутной воды.

– Много вынули? – спросил Сергей у бригадира Шалимова, который ругался по-татарски с маленьким сухощавым землекопом.

– А не мерил еще, – медленно выговаривая русские слова, ответил Шалимов. – Кубометров десять, должно быть, вынули.

– Мало, – сказал Сергей. – Плохо работаешь, Шалимов.

– Грунт тяжелый, – равнодушно ответил Шалимов, – не земля, а камень.

– Ну, камень! До камня еще далеко. Смотри, Шалимов, беда будет. Зальет второй участок, и оставим мы ребят без воды.

– Как можно без воды? – согласился Шалимов. – Пить нету, обед варить нету, ванну делать нету, цветы поливать нету. Как можно без воды? – разведя руками, закончил он и невозмутимо сел на камень, собираясь вступить в длинный и благодушный разговор.

– Плохо, Сергей Алексеевич! – крикнул запыхавшийся десятник Дягилев. – Вы посмотрите на выемку – так и рвет со дна, так и рвет! И откуда такая силища? Это не ключ, а сама подземная речка.

– Видел, – ответил Сергей. – До утра продержимся.

– Ой ли, продержимся, Сергей Алексеевич?

– Надо продержаться.

Сергей приказал: как только обнажится каменная гряда, поставить бурить скважины, а землекопов перебросить рыть

канаву к другой небольшой впадине, которая могла оттянуть воду и задержать перелив еще на три-четыре часа.

– Дягилев, – сказал он напоследок, – я вернусь ночью, к рассвету. Ты отвечаешь. Да не ругайтесь вы с Шалимовым, а работайте. Как ни приду, или Шалимов на тебя жалуется, или ты на Шалимова. С рабочими за прошлую десятидневку рассчитались?

– Давно уже, Сергей Алексеевич. Это еще по старой ведомости, до вашего приезда, прежним техником подписана была.

– Вы потом покажите мне все эти ведомости, – сказал Сергей. – Я поехал.

Возле Ялты хлынул грозовой ливень. Это задержало машину на два часа: шофер был вынужден уменьшить скорость, потому что на крутых поворотах скользкой дороги машину сильно заносило. В Севастополь они прибыли только в восемь вечера. Понадобились долгие телефонные звонки, понадобилось вмешательство секретаря райкома и даже коменданта города для того, чтобы получить пропуск и открыть уже запечатанные склады Взрывсельпрома.

И когда небольшой, но тяжелый ящик был осторожно погружен на машину, стрелка часов уже подходила к половине одиннадцатого.

Луна сквозь сплошные черные тучи не обозначалась даже слабым просветом. Скрылись очертания горных вершин. Растворились в темноте рощи, сады, поля, виноградники, и

только полоса широкого ровного шоссе, как бы расплавленного ослепительным светом автомобильных фар, сверкала влажной желтоватой белизной.

– Ну, давай! – подбадривающе сказал Сергей, усаживаясь рядом с шофером. – Ночь темная, а дорога длинная.

Только теперь, сидя на кожаных подушках вздрагивающего автомобиля, Сергей почувствовал, что он сильно устал. Запахнув плащ и крепче надвинув фуражку, он закрыл глаза. И так в полусне, только по собачьему лаю да по кудахтанью распуганных кур угадывая проносящиеся мимо поселки и деревушки, сидел он долго и молча.

Ра-а! Ра-а-а!.. – звонко и тревожно гудел сигнал, и машину плавно покачивало на бесчисленных крутых поворотах.

Дорога забирала в горы.

И эта непроницаемая, беззвездная тьма, и этот свежий и влажный ветер, приглушенный собачий лай, запах сена и спелого винограда напомнили Сергею что-то радостное, но очень молодое и очень далекое.

И вот почему-то пылал костер. Тихо звеня уздечками, тут же рядом ворочались разномастные кони.

Ра-а-а!.. – звонко гудела машина, взлетая в гору все круче и круче.

…Темные кони, вороные и каурые, были невидимы, но один, белогривый, маленький и смешной Пегашка, вскинув короткую морду, поднял длинные уши, настороженно при-

слушиваясь к неразгаданному шуму.

– Это мой конь! – сказал Сергей, поднимаясь от костра и тренькая звонкими шпорами.

– Да, – согласился начальник заставы, – эта худая, недобитая скотина – твой конь. Но что это шумит впереди на дороге?

– Хорошо! Посмотрим! – гневно крикнул Сергей и вскочил на Пегашку, который сразу же оказался самым лучшим конем в этой разбитой, но смелой армии.

– Плохо! – крикнул ему вдогонку умный, осторожный начальник заставы. – Это тревога, это белые.

И тотчас же погас костер, лязгнули расхваченные винтовки, а изменник Каплаухов тайно разорвал партийный билет.

– Это беженцы! – крикнул возвратившийся Сергей. – Это не белые, а просто беженцы. Их много, целый табор.

И тогда всем стало так радостно и смешно, что, наскоро расстреляв проклятого Каплаухова, вздули они яркие костры и весело пили чай, угощая хлебом беженских мальчишек и девочек, которые смотрели на них огромными доверчивыми глазами.

– Это мой конь! – гордо сказал Сергей, показывая ребятишкам на маленького белогривого Пегашку. – Это очень хороший конь.

Но глупые ребятишки не понимали и молча жадно грызли черный хлеб.

– Это хороший конь! – гневно и нетерпеливо повторил

Сергей и посмотрел на глупых ребятишек недобрыми глазами.

– Хороший конь, – слегка картавя, звонко повторила по-русски худенькая, стройная девчонка, вздрагивавшая под рваной и яркой шалью. – И конь хороший, и сам ты хороший.

Ра-а-а!.. – заревела машина, и Сергей решил: «Стоп! Довольно. Теперь пора просыпаться».

Но глаза не открывались.

«Довольно!» – с тревогой подумал он, потому что хороший сон уже круто и упрямо сворачивал туда, где было темно, тревожно и опасно. Но тут его крепко качнуло, машина остановилась, и шофер громко сказал:

– Есть! Закурим. Это Байдары.

– Байдары… – машинально повторил Сергей и открыл глаза.

Машина стояла на самой высокой точке перевала. Запутавшиеся в горах тучи остались позади. Далеко под ногами в кипарисовой черноте спало все южное побережье. Кругом было тихо и спокойно. Сон прошел.

Они закурили и быстро помчались вперед, потому что было уже далеко за полночь.

Проснувшись, Натка увидела Альку.

Алька стоял, открыв коробку, и удивлялся тому, что она пуста.

– Это ты открыла или они сами повылазили? – спросил Алька, показывая на коробку.

– Это я нечаянно, – созналась Натка. – Я открыла и даже испугалась.

– Они не кусаются, – успокоил ее Алька. – Они только прыгают. И ты очень испугалась?

– Очень испугалась, – к великому удовольствию Альки, подтвердила Натка и потащила его в умывальную комнату.

– Алька, – спросила Натка, когда, умывшись, вышли они на террасу, – скажи мне, пожалуйста, что ты за человек?

– Человек? – удивленно переспросил Алька. – Ну, просто человек. Я да папа. – И, серьезно поглядев на нее, он спросил: – А ты что за человек? Я тебя узнаю. Это ты с нами в вагоне ехала.

– Алька, – спросила Натка, – почему это ты да папа? А почему ваша мама не приехала?

– Мамы нет, – ответил Алька.

И Натка пожалела о том, что задала этот неосторожный вопрос.

– Мамы нет, – повторил Алька, и Натке показалось, что, подозревая ее в чем-то, он посмотрел на нее недоверчиво и почти враждебно.

– Алька, – быстро сказала Натка, поднимая его на руки и показывая на море, – посмотри, какой быстрый, большой корабль.

– Это сторожевое судно, – ответил Алька. – Я его видел еще вчера.

– Почему сторожевое? Может быть, обыкновенное?

– Это сторожевое. Ты не спорь. Так мне папа сказал, а он лучше тебя знает.

В этот день готовились к первому лагерному костру, и Натка повела Альку к октябрятам.

На лужайке босой пионер Василюк, забравшись на спину согнувшегося Баранкина, учил легонькую и ловкую башкирку Эмине вспрыгивать на плечи с развернутым красным флагом.

– Ты не так прыгаешь, Эмка, – терпеливо повторял Василюк. – Ты когда прыгнешь, то стой спокойно, а не дрыгай ногами. Ты дрыгнешь – я колыхнусь, и полетим мы с тобой прямо Баранкину на голову. Эх, ты! Ну, и как мне с тобой сговориться? – огорчился он, увидав, что Эмине не понимает его. – Ну ладно, беги. Потом Юлай придет, он уж тебе по-вашему объяснит.

Эмине спрыгнула и, заметив Альку, остановилась и с любопытством разглядывала этого маленького, незнакомого ей человека.

– Пионер? – смело спросила она, указывая на его красный галстук.

– Пионер, – ответил Алька и протянул ей цветную картинку с мчавшимся всадником. – Это белый, – хитро прищуриваясь и указывая пальцем на всадника, попробовал обмануть ее Алька. – Это белый. Это царь.

– Это красный, – еще хитрее улыбнувшись, ответила Эмине. – Это Буденный.

– Это белый, – настойчиво повторил Алька, указывая на саблю. – Вот сабля.

– Это красный, – твердо повторила Эмине, указывая на серую папаху. – Вот звезда!

И, рассмеявшись, оба очень довольные, что хорошо поняли друг друга, они вприпрыжку понеслись к кустам, откуда доносилось нестройное пение октябрят.

Проводив Альку к октябрятам, Натка повернула к сосновой роще и натолкнулась на звеньевого третьего звена Иоську. В одной руке Иоська тащил что-то длинное, свернутое в трубочку, а в другой – маленький, крепко завязанный узелок.

– Ты откуда? Куда?

– В клуб бегал, – быстро и неохотно ответил Иоська, подпрыгивая и увертливо пряча узелок за спину. – В клуб за плакатами. Мы сейчас рассказ будем читать о танках.

– Иоська, – удивилась Натка, – почему же это о танках, когда у тебя сегодня по плану не танки, а памятка пионеру-автодоровцу?

– Памятка потом. Мы сегодня с купанья шли – глядим, четыре танка ползут. Интересно! Я скорей в библиотеку. Давай, думаю, сегодня, пока интересно, будем читать о танках.

– Ну ладно, Иоська. Это хорошо. А что это ты в узелке за спиной прячешь?

– Это? Это орехи, – с отчаянием заговорил Иоська, еще нетерпеливей подпрыгивая и отскакивая от Натки. – Это я

такую игру придумал. Мне инструктор написал семь вопросов о танках. Ну вот, кто угадает, а кто не угадает…

– Да ты хоть скажи, откуда орехи-то взял?

Но тут увертливый Иоська подпрыгнул так высоко, как будто бы камни очень сильно прижгли ему голые пятки, и, замотав головой, не дожидаясь расспросов, он юркнул в кусты.

Из-за подготовки к костру перепутались и разорвались все звенья. Певцы ушли в хоровой кружок, гимнасты – на спортивную площадку, танцоры – в клуб. И, пользуясь этой веселой суматохой, никем не замеченные, двое ребят скрылись потихоньку из лагеря.

Добравшись по глухой тропке до развалин маленькой крепости, они вытащили клубок тонкой бечевы и огарок стеариновой свечки. Раздвигая заросли густой душистой полыни, они пробрались к небольшой черной дыре у подножия дряхлой башенки. Ярко жгло полуденное солнце, и от этого пахнувшее сыростью отверстие казалось еще более черным и загадочным.

– А что, если у нас бечевы не хватит, тогда как? – спросил Владик, привязывая свечку к концу длинной палки. – А что, если вдруг под ногами обрыв? Я, знаешь, Толька, где-то читал такое, что вот идешь… идешь подземным ходом, вдруг – бац, и летишь ты в пропасть. А внизу, в этой пропасти, разные гадюки… змеи…

– Какие еще змеи? – переспросил Толька, поглядывая на

сырую черную дыру. – И что ты, Владик, всегда какую-нибудь ерунду придумаешь? То тебе порошком натереться, то тебе змеи. Ты лучше бы свечку покрепче привязал, а то слетит свечка, вот тебе и будут змеи.

– А что, Толька, – обматывая свечку, задумчиво продолжал Владик, – а что, если мы спустимся, вдруг обвалится башня и останемся мы с тобой запертыми в подземных ходах? Я где-то тоже такое читал. Сначала они свечи поели, потом башмаки, потом ремни, а потом, кажется, и друг друга сожрали. Очень интересная книга.

– И что ты, Владик, всегда какую-то ерунду читаешь? – совсем уже унылым голосом спросил Толька и опять покосился на черную дыру.

– Лезем! – оборвал его Владик. – Мало ли что я говорю! Это я тебя, дурака, дразню.

Он зажег свечу и осторожно спустил ноги на покатый каменистый вход. Толька, держа в руках клубок с разматывающейся бечевкой, полез вслед за ним.

Потихоньку ощупывая каждый камешек, они прошли метров пять. Здесь ход круто сворачивал направо. Оглянувшись еще раз на просвет, они решительно повернули вправо. Но, к своему разочарованию, они очутились в небольшом затхлом подвальчике, заваленном мусором и щебнем. Никакого подземного хода не было.

– Тоже, крепость! – рассердился Толька. – А все, Владик, ты. Полезем да полезем. Ну, вот тебе и полезли. Идем лучше

назад, а то я ногой в какую-то дрянь наступил.

Они выбрались из погреба и, цепляясь за уступы, залезли на поросшую кустами башенку. Отсюда было видно море – огромное и пустынное.

Опустившись на траву, ребята притихли и, щурясь от солнца, лежали долго и молча.

– Толька! – спросил вдруг Владик, и, как всегда, когда он придумывал что-нибудь интересное, глаза его заблестели. – А что, Толька, если бы налетели аэропланы, надвинулись танки, орудия, собрались бы белые со всего света и разбили бы они Красную Армию и поставили бы они все по-старому?… Мы бы с тобой тогда как?

– Еще что! – равнодушно ответил Толька, который уже привык к странным фантазиям своего товарища.

– И разбили бы они Красную Армию, – упрямо и дерзко продолжал Владик, – перевешали бы коммунистов, перекидали бы в тюрьмы комсомольцев, разогнали бы всех пионеров, тогда бы мы с тобой как?

– Еще что! – уже с раздражением повторил Толька, потому что даже он, привыкший к выдумкам Владика, нашел эти слова очень уж оскорбительными и невероятными. – Так бы наши им и поддались! Ты знаешь, какая у нас Красная Армия? У нас советская… На весь мир. У нас у самих танки. Глупый ты, дурак. И сам ты все знаешь, а сам нарочно спрашивает, спрашивает…

Толька покраснел и, презрительно фыркнув, отвернулся

от Владика.

– Ну и пусть глупый! Пусть знаю, – спокойнее продолжал Владик. – Ну а если бы? Тогда бы мы с тобой как?

– Тогда бы и придумали, – вздохнул Толька.

– Что там придумывать? – быстро заговорил Владик. – Ушли бы мы с тобой в горы, в леса. Собрали бы отряд, и всю жизнь, до самой смерти, нападали бы мы на белых и не изменили, не сдались бы никогда. Никогда! – повторил он, прищуривая блестящие серые глаза.

Это становилось интересным. Толька приподнялся на локтях и повернулся к Владику.

– Так бы всю жизнь одни и прожили в лесах? – спросил он, подвигаясь поближе.

– Зачем одни? Иногда бы мы с тобой переодевались и пробирались потихоньку в город за приказами. Потом к рабочим. Ведь всех рабочих они все равно не перевешают. Кто же тогда работать будет – сами буржуи, что ли? Потом во время восстания бросились бы все мы к городу, грохнули бы бомбами в полицию, в белогвардейский штаб, в ворота тюрьмы, во дворцы к генералам, к губернаторам. Смелее, товарищи! Пусть грохает.

– Что-то уж очень много грохает! – усомнился Толька. – Так, пожалуй, и все дома закачаются.

– Пусть качаются, – ответил Владик. – Так им и надо.

– Тише, Владик! – зашипел вдруг Толька и стиснул локоть товарища. – Смотри, Владик, кто это?

Из-за кустов вышел незнакомый чернобородый человек. В руках он держал что-то продолговатое, завернутое в бумагу. По-видимому, он очень торопился. Оглядываясь по сторонам, он постоял некоторое время не двигаясь, потом уверенно раздвинул кустарники и исчез в черной дыре, из которой еще только совсем недавно выбрались ребятишки.

Не позже чем через пять-шесть минут он вылез обратно и поспешно скрылся в кустах.

Озадаченные ребята молча переглянулись, потихоньку соскользнули вниз и, осторожно пригибаясь, выскочили на тропку.

Здесь-то и встретили они возвращающегося от Гитаевича Сергея, который и приказал им передать записку начальнику лагеря.

– Ты знаешь, где мой папа? – спросил Алька, перед тем как лечь спать. – У него случилась какая-то беда. Он сел на коня и уехал в горы.

Алька подумал, повертелся под одеялом и неожиданно спросил:

– А у тебя, Натка, случалась когда-нибудь беда?

– Нет, не случалась, – не совсем уверенно ответила Натка. – А у тебя, Алька?

– У меня? – Алька запнулся. – А у меня, Натка, очень, очень большая случилась. Только я тебе про нее не сейчас расскажу.

«У него умерла мать», – почему-то подумала Натка, и,

чтобы он не вспоминал об этом, она села на край кровати и рассказала ему смешную историю о толстой кошке, которую обманул хитрый заяц.

– Спи, Алька, – сказала Натка, закончив рассказ. – Ужо поздно.

Но Альке что-то не спалось.

– Ну, расскажи мне сам что-нибудь, – попросила Натка. – Расскажи какую-нибудь историю.

– Я не знаю истории, – подумав, ответил Алька. – Я знаю одну сказку. Очень хорошая сказка. Только это не такая… не про кошек и не про зайцев. Это военная, смелая сказка.

– Расскажи мне, Алька, смелую, военную сказку, – попросила Натка, и, потушив свет, она подсела к нему поближе.

Тогда, усевшись на подушку, Алька рассказал ей сказку про гордого Мальчиша-Кибальчиша, про измену, про твердое слово и про неразгаданную Военную Тайну.

Потом он уснул, но Натка долго еще ворочалась, обдумывая эту странную Алькину сказку.

Было уже очень поздно, когда далекий, но сильный гул ворвался в открытое настежь окно, как будто бы ударили в море залпом могучие, тяжелые батареи.

Натка вздрогнула, но тут же вспомнила, что еще с вечера всех вожатых предупредили, что если ночью в горах будут взрывы, то пусть не пугаются – это так надо.

Она быстро прошла в палату.

Однако набегавшиеся за день ребята продолжали крепко

спать, и только трое или четверо подняли головы, испуганно прислушиваясь к непонятному грохоту. Успокоив их, Натка пошла к себе. Распахнув дверь, она увидела, что, ухватившись за спинку кровати, Алька стоит на подушке и смотрит широко открытыми, но еще сонными глазами.

– Что это? – спросил он тревожным полушепотом.

– Спи, Алька, спи! – быстро ответила Натка, укладывая его в постель. – Это ничего… Это твой папа поправляет беду.

– А, папа… – уже закрывая глаза, с улыбкой повторил Алька и почти тотчас же заснул.

Ребята-октябрята были самым дружным народом в отряде. Держались они всегда стайкой: петь так петь, играть так играть. Даже реву задавали они и то не поодиночке, а сразу целым хором, как это было на днях, когда их не взяли на экскурсию в горы.

К полудню Натка увела их на поляну, к сосновой роще, потому что звеньевая октябрят Роза Ковалева была в этот день помощником дежурного по лагерю.

Едва только Натка опустилась на траву, как октябрята с криком бросились занимать места поближе и быстро раскинулись вокруг нее веселой босоногой звездочкой.

– Расскажи, Натка!

– Почитай, Натка!

– Покажи картинки!

– Спой, Натка! – на все голоса закричали октябрята, протягивая ей книжки, картинки и даже неизвестно для чего

подсовывая прорванный барабан и сломанное чучело полинялой бесхвостой птицы.

– Расскажи, Натка, интересное, – попросил обиженно октябренок Карасиков. – А то вчера Роза обещала рассказать интересное, а сама рассказала, как мыть руки да чистить зубы. Разве же это интересное?

– Расскажи, Натка, сказку, – попросила синеглазая девчурка и виновато улыбнулась.

– Сказку? – задумалась Натка. – Я что-то не знаю сказок. Или нет… я расскажу вам Алькину сказку. Можно? – спросила она у насторожившегося Альки.

– Можно, – позволил Алька, горделиво посматривая на притихших октябрят.

– Я расскажу Алькину сказку своими словами. А если я что-нибудь позабыла или скажу не так, то пусть он меня поправит. Ну вот, слушайте!

В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш. В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов, и тихо стало на тех широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где среди густых садов да вишневых кустов стоял домишко, в котором жил Мальчиш по прозванию Кибальчиш, да отец Мальчиша, да старший брат Мальчиша, а матери у них не было.

Отец работает – сено косит. Брат работает – сено возит. Да и сам Мальчиш то отцу, то брату помогает или просто с

другими мальчишами прыгает да балуется.

Гоп!.. Гоп!.. Хорошо! Не визжат пули, не грохают снаряды, не горят деревни. Не надо от пуль на пол ложиться, не надо от снарядов в погреба прятаться, не надо от пожаров в лес бежать. Нечего буржуинов бояться. Некому в пояс кланяться. Живи да работай – хорошая жизнь!

Вот однажды – дело к вечеру – вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он – небо ясное, ветер теплый, солнце к ночи за Черные Горы садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов. Сказал он отцу, а отец усталый пришел.

– Что ты! – говорит он Мальчишу. – Это дальние грозы гремят за Черными Горами. Это пастухи дымят кострами за Синей Рекой, стада пасут да ужин варят. Иди, Мальчиш, и спи спокойно.

Ушел Мальчиш. Лег спать. Но не спится ему – ну никак не засыпается.

Вдруг слышит он на улице топот, у окон – стук. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у окна всадник. Конь – вороной, сабля – светлая, папаха – серая, а звезда – красная.

– Эй, вставайте! – крикнул всадник. – Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Черных Гор проклятый бур-

жуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далекую Красную Армию.

Так сказал эти тревожные слова краснозвездный всадник и умчался прочь. А отец Мальчиша подошел к стене, снял винтовку, закинул сумку и надел патронташ.

– Что же, – говорит старшему сыну, – я рожь густо сеял – видно, убирать тебе много придется. Что же, – говорит он Мальчишу, – я жизнь круто прожил, и пожить за меня спокойно, видно, тебе, Мальчиш, придется.

Так сказал он, крепко поцеловал Мальчиша и ушел. А много ему расцеловываться некогда было, потому что теперь уже всем и видно и слышно было, как гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров…

– Так я говорю, Алька? – спросила Натка, оглядывая притихших ребят.

– Так… так, Натка, – тихо ответил Алька и положил свою руку на ее загорелое плечо.

– Ну вот… День проходит, два проходят. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет… не видать еще Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу. Весь день с крыши не слезает. Нет, не видать. Лег он к ночи спать. Вдруг слышит он на улице топот, у окошка – стук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же всадник. Только конь худой да усталый, только сабля погнутая, темная, только папаха простреленная, звезда разрубленная, а голова повязанная.

– Эй, вставайте! – крикнул всадник. – Было полбеды, а теперь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!

Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

– Прощай, Мальчиш… Остаешься ты один… Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах… Живи, как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш у трубы на крыше, и видит Мальчиш, что скачет издалека незнакомый всадник.

Доскакал всадник до Мальчиша, спрыгнул с коня и говорит:

– Дай мне, хороший Мальчиш, воды напиться. Я три дня не пил, три ночи не спал, три коня загнал. Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все сигнальные трубы. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы все боевые знамена. Мчится и скачет на помощь вся Красная Армия. Только бы нам, Мальчиш, до завтрашней ночи продержаться.

Слез Мальчиш с крыши, принес напиться. Напился гонец и поскакал дальше.

Вот приходит вечер, и лег Мальчиш спать. Но не спится Мальчишу – ну какой тут сон?

Вдруг он слышит на улице шаги, у окошка – шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна все тот же человек. Тот,

да не тот: и коня нет – пропал конь, и сабли нет – сломалась сабля, и папахи нет – слетела папаха, да и сам-то стоит – шатается.

– Эй, вставайте! – закричал он в последний раз. – И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться.

Глянул Мальчиш-Кибальчиш на улицу: пустая улица. Не хлопают ставни, не скрипят ворота – некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли – никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из ворот один старый дед во сто лет. Хотел дед винтовку поднять, да такой он старый, что не поднимет. Хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит. Сел тогда дед на завалинку, опустил голову и заплакал…

– Так я говорю, Алька? – спросила Натка, чтобы перевести дух, и оглянулась.

Уже не одни октябрята слушали эту Алькину сказку. Кто его знает когда, подползло бесшумно все пионерское Иоськино звено. И даже башкирка Эмине, которая только едва понимала по-русски, сидела задумавшаяся и серьезная. Даже озорной Владик, который лежал поодаль, делая вид, что он не слушает, на самом деле слушал, потому что лежал тихо, ни с кем не разговаривая и никого не задевая.

– Так, Натка, так… Еще лучше, чем так, – ответил Алька,

подвигаясь к ней еще поближе.

– Ну вот… Сел на завалинку старый дед, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

– Эй же, вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтоб буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет.

Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего он не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь. И видит Плохиш, что лежит за горкой громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках черные бомбы, белые снаряды да желтые патроны. «Эге, – подумал Плохиш, – вот это мне и нужно».

А в это время спрашивает Главный Буржуин у своих буржуинов:

– Ну что, буржуины, добились вы победы?

– Нет, Главный Буржуин, – отвечают буржуины, – мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним все еще не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Буржуин, и закричал он грозным голосом:

– Может ли быть, чтобы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Как это вы не можете разбить такого маловатого? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят буржуины и думают: что же это такое им сделать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

– Радуйтесь! – кричит он им. – Это все я, Плохиш, сделал. Я дров нарубил, я сена натащил, и зажег я все ящики с черными бомбами, с белыми снарядами да с желтыми патронами. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрет и радуется.

Вдруг как взорвались зажженные ящики! И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

– Измена! – крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

– Измена! – крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела буржуинская сила, и скрутила, и схватила она Мальчиша-Кибальчиша.

Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Буржуин делать? Долго думал Главный Буржуин, а потом придумал и сказал:

– Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Военную Тайну. Вы идите, буржуины, и спросите у него:

– Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?

Отчего, Мальчиш, и все тюрьмы полны, и все каторги забиты, и все жандармы на углах, и все войска на ногах, а нет нам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?

Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моем Высоком Буржуинстве, и в другом – Равнинном Королевстве, и в третьем – Снежном Царстве, и в четвертом – Знойном Государстве в тот же день в раннюю весну и в тот же день в позднюю осень на разных языках, но те же песни поют, в разных руках, но те же знамена несут, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, буржуины:

– Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета? И пусть он расскажет секрет.

Нет ли у наших рабочих чужой помощи? И пусть он расскажет, откуда помощь.

Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются?

Ушли буржуины, да скоро назад вернулись:

– Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

– Есть, – говорит он, – и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И когда б вы ни напали, не будет вам победы.

Есть, – говорит, – и неисчислимая помощь, и сколько бы вы в тюрьмы ни кидали, все равно не перекидаете, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь.

Есть, – говорит, – и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, все равно не найдете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Буржуин и говорит:

– Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны.

Ушли буржуины, а вернулись теперь они не скоро.

Идут и головами покачивают.

– Нет, – говорят они, – начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твердое слово. А когда мы уходили, то опустился он на пол, приложил ухо к тяжелому камню холодного пола, и, ты поверишь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминучая погибель?…

– Это не по тайным… это Красная Армия скачет! – восторженно крикнул не вытерпевший октябренок Карасиков.

И он так воинственно взмахнул рукой с воображаемой саблей, что та самая девчонка, которая еще недавно, подскакивая на одной ноге, безбоязненно дразнила его «Карасик-ругасик», недовольно взглянула на него и на всякий случай отодвинулась подальше.

Тут Натка оборвала рассказ, потому что издалека раздался сигнал к обеду.

– Досказывай, – повелительно произнес Алька, сердито заглядывая ей в лицо.

– Досказывай, – убедительно произнес раскрасневшийся Иоська. – Мы за это быстро построимся.

Натка оглянулась. Никто из ребятишек не поднимался. Она увидела много-много ребячьих голов – белокурых, темных, каштановых, золотоволосых. Отовсюду на нее смотрели глаза – большие, карие, как у Альки, ясные, васильковые, как у той синеглазой, что попросила сказку, узкие, черные,

как у Эмине, и много-много других глаз – обыкновенно веселых и озорных, а сейчас задумчивых и серьезных.

– Хорошо, ребята, я доскажу.

– …И стало нам страшно, Главный Буржуин, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминучая погибель?

– Что это за страна? – воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. – Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово? Торопитесь же, буржуины, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши буржуинские знамена, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не легкий бой, а тяжелая битва.

– И погиб Мальчиш-Кибальчиш… – произнесла Натка.

При этих неожиданных словах лицо у октябренка Карасикова сделалось вдруг печальным, растерянным, и он уже не махал рукой.

Синеглазая девчурка нахмурилась, а веснушчатое лицо Иоськи стало злым, как будто его только что обманули или обидели. Ребята заворочались, зашептались, и только Алька, который знал уже эту сказку, один сидел спокойно.

– Но… видели ли вы, ребята, бурю? – громко спросила Натка, оглядывая приумолкших ребят. – Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засвер-

кали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронеслись красные знамена. Это так наступала Красная Армия.

А видели ли вы проливные грозы в сухое и знойное лето? Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства.

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей Реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

Плывут пароходы – привет Мальчишу!
Пролетают летчики – привет Мальчишу!
Пробегают паровозы – привет Мальчишу!
А пройдут пионеры – салют Мальчишу!

Вот вам, ребята, и вся сказка.

…Рано утром, когда большая вода уже схлынула, к Сергею подбежал десятник Дягилев. Он запыхался и оттолкнул старика татарина, который тихо и бестолково жаловался Сергею на то, что его обсчитали.

– Нет, вы подумайте! Ну и народ! Головы им рвать надо…

Где Шалимов? Скажите, Сергей Алексеевич, чтобы этого черта Шалимова сейчас же сюда позвали.

– Зачем черта? Зачем ругаешься? – раздался из-за кустов равнодушный голос Шалимова. – Ты дело говори, а то кричит-пищит, как петух под лисицей. Ну, на что тебе нужен Шалимов?

– Ночью замок сорвали, – плачущим голосом объяснил Дягилев. – Начисто. Вместе с пробоем. Ружье украли, двустволку. Шкатулка запертая стояла. В ней шестьдесят рублей казенных денег, документы, ведомости, расписка. Что же это такое, Сергей Алексеевич? – недоуменно разводя руками, спросил Дягилев.

И, обернувшись к кучке насторожившихся татар, он погрозил кулаком.

– Зачем кулаком махаешь? – все так же невозмутимо переспросил Шалимов. – Воры есть русские, воры есть татары. Всякие есть воры. Зачем, пустой человек, зря кулаком махать?

Шалимов сердито вздернул брови и укоризненно добавил:

– Вон татары землю копают, а вон твой русский идет, водки напился. Разве хороший человек с утра напивается?

И точно, подошел вдрызг пьяный дядек и, неуклюже погрозив Шалимову, бессмысленно рассмеялся.

– Спать, спать иди! – ловко выпирая пьяного, прикрикнул смутившийся Дягилев. – И что за народ! Что за народ! – скороговоркой докончил он и беспомощно махнул рукой.

Сергей приказал рыть к скату метровую канаву и рубить крепежные стойки. Он обернулся, отыскивая того старика, который жаловался, что его обсчитали, но старика уже нигде не было. Тогда вместе с Дягилевым он пошел вниз, к дощатому бараку, где помещалась десятниковская конторка.

Рассерженный Дягилев ругал теперь и русских, и татар, и всех, кого попало.

– Как хотите, Сергей Алексеевич, а работать я, право, не согласен. Пусть Шалимов остается. Мотаешься, мотаешься… Всюду ругань, всем не так. А тут еще вон что!

Ни дягилевской двустволки, ни шестидесяти рублей Сергею не было жалко, но он крепко досадовал, что вместе с денежной шкатулкой пропали ведомости и документы. Он приказал заявить в милицию, а сам, протирая сонные глаза, вышел из барака.

По пути на первый участок Сергей опять увидел все того же пьяного. Пьяный этот стоял, прислонившись к выступу, и нескладно пел про субботу и про день ненастный, когда нельзя в поле работать. Сергей хотел подойти и спросить, что за беда и почему человек напился спозаранку. Но пьяный тут же свалился под кусты и заснул.

На первом участке работа шла своим чередом. Здесь молодой вихрастый бригадир огорченно рассказывал, что сто восемьдесят метров желоба уже проложено и что было бы больше, да, опасаясь прорыва воды, всю ночь они перетаскивали материалы в гору.

Сергей пообещал прислать от Дягилева пару лошадей и десяток чернорабочих.

Выбравшись на берег под горячее солнце, Сергей почувствовал, что ему крепко хочется спать, но надо было еще повидать Альку. Из-за Альки он взял этот отпуск. Из-за Альки он согласился проследить за работами по прокладке водопровода. И все-таки с Алькой приходилось встречаться ему редко. Сама работа была пустяковая. Но все что-то не ладилось. Например, совсем недавно, перед его приездом, пропало сорок лопат. И вовсе уж бестолково вынули двести кубометров земли не оттуда, откуда было надо.

Сергей наскоро выкупался, вымыл грязные сапоги, одернул помятый френч и пошел к лагерю.

За обедом звеньевой Иоська спросил у Владика, почему тот вчера не был ни на спортивном кружке, ни на отрядной площадке.

Насторожившийся Владик открыл рот, чтобы сразу соврать, будто бы он работал в мастерской. Но тут, как назло, раздавая мороженое, подошел дежурный по столу пионер Башкатов, а при нем никак нельзя было соврать, потому что он сам вчера в мастерской был за старшего.

Чтобы замять разговор, Владик быстро повернулся и как бы нечаянно опрокинул Иоськину вазочку с мороженым. Но это вышло неловко, и всем было видно, что опрокинул Владик нарочно.

– Хулиган! – рассердился Иоська и быстро выхватил из

рук Башкатова то мороженое, которое Башкатов протягивал Владику.

Все рассмеялись, а Владик рванул вазочку, и мороженое плюхнулось в салатник.

Поднялся шум, чуть не драка, а кончилось тем, что подошел дежурный по лагерю и Владика с позором выставил из-за стола. Обозленный Владик показал Иоське кулак и тотчас же ушел прочь.

Сразу же после обеда Натка отправилась к берегу, в штаб. Там на сегодня был назначен совет вожатых – готовились к общелагерному костру третьей смены, который был назначен на послезавтра.

Во время перерыва Алеша Николаев спросил:

– Что это, Шегалова, ребята сегодня все время гудят, спорят… Сказка, сказка… Я что-то ничего не понял. Про что ты им рассказывала?

– Сказку, Алеша, рассказывала. Хорошая сказка.

– Отчего вздумалось тебе рассказывать сказку? Ну, рассказала бы что-нибудь про настоящее. Вот, например, читала ты, опять пионер предотвратил железнодорожное крушение? Взяла бы и рассказала.

– Рассказала уже, – рассмеявшись, ответила Натка. – Ну, говорят, шел, ну, увидел, что у рельсы гайка развинтилась, ну, побежал и сказал сторожу. Это что! Так и каждый из нас обязательно сделал бы. А ты вот послушай… «Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в камен-

ную башню. И помчались спрашивать: что же теперь Главный Буржуин прикажет с пленным Мальчишем делать?»

– Черт тебя знает, что ты городишь, Натка! – перебил ее Алеша. – Какой Главный Буржуин? Кого заковали?

– Мальчиша заковали! – настойчиво повторила Натка. И тотчас же успокоила: – А про крушение я еще раз обязательно расскажу. Сама знаю… транспорт, грузопотоки… Первый год, что ли? – И, неожиданно улыбнувшись, она повторила: – «Плывут пароходы – привет Мальчишу! Бегут паровозы – привет Мальчишу!» Это тебе что! Не транспорт, что ли? А пройдут, Алеша, пионеры – салют Мальчишу! Эх, ты… гайка! – рассмеявшись, закончила Натка, и, схватив Алешу за руку, она потащила его на крыльцо, мимо которого шумно волокли на площадку новый огромный плакат.

После совещания Натка вспомнила, что еще не готовы к празднику костюмы для отрядных танцорок. На складе она выбрала охапку ярких лоскутьев, связку разноцветных лент и сверток глянцевой бумаги. Чтобы не возвращаться круговой дорогой, она прошла напрямик. Но вышло не совсем ладно. Кустарник вскоре сомкнулся так плотно, что Натке приходилось поминутно останавливаться, а бесчисленные случайные тропки петляли и разбегались совсем не туда, куда было надо.

Вдруг что-то больно царапнуло пониже колена. Натка охнула и увидела, что это колючая проволока.

– Я вас, бездельники! Я вот вас хворостиной! – раздался

грозный голос.

Кусты за изгородью раздвинулись, и перед Наткой оказался распоясанный, босоногий Гейка.

Увидев нагруженную поклажей Натку, Гейка сконфузился и, насупившись, объяснил:

– Сторож в баню пошел, а ребятишки в сад лазят. Груши еще вовсе зеленые, твердые – кабан не раскусит. Все равно лезут. Вечор двоих ваших поймал. «Стыдно, – говорю. – Вас, голоштанных, и пирожными кормят и мороженым. Всякие вам повара, доктора, а вы вон что». По-настоящему надо бы их крапивой, да вижу – скраснели. Такие негодники! Отобрал я у них зеленые груши, дал по спелому яблоку. Все одно стоят и молчат. «Ладно, – говорю им, – бегите. Эх вы… босоногая диктатура!»

Гейка улыбнулся. Он показал Натке дорогу, постоял, глядя ей вслед, и, все еще продолжая чему-то улыбаться, с шумом исчез за кустами.

Натка взобралась на бугор, нырнула в орешник и, услышав голоса, раздвинула ветви. Перед ней оказалась небольшая обрывистая поляна, и здесь, не дальше чем в десяти шагах, лежали Сергей и Алька.

Конечно, надо было незаметно отойти, но, как назло, концы цветных лоскутьев запутались в колючках, и теперь Натка стояла, боясь шелохнуться, чтобы не заметили и не подумали, будто она прячется нарочно.

– Папка, – предложил Алька, – знаешь, давай споем нашу

любимую песню. То ты уедешь, то ты приедешь, а мы не поем да не поем.

– Спой лучше один, Алька. Я ночью на работе сто раз кричал, ругался, и у меня горло охрипло.

– А ты бы без крику, – посоветовал Алька. – Ну, давай начинай, и я тоже.

Это была хорошая песня. Это была песня о заводах, которые восстали, об отрядах, которые, шагая в битву, смыкались все крепче и крепче, и о героях-товарищах, которые томились в тюрьмах и мучились в холодных застенках.

И странно, теперь, когда на пустой полянке смешной октябренок Алька, подергивая отца за рукав и покачивая в такт головой, звонко распевал эту замечательную песню, вдруг показалось Натке, что все хорошо и что работать ей весело.

Вот-вот, поднимая ребят, ударит колокол, и с шумом, с визгом сорвется с постелей весь ее неугомонный отряд. А Владик с Толькой, вероятно, уже и так проснулись и в ожидании сигнала ерзают, сорванцы, по койкам и, конечно, мешают другим спать.

«А много нашего советского народа вырастает», – прислушиваясь к песне, подумала Натка. Выдергивая зацепившийся лоскут, она обломала ветку и испуганно притихла.

– Папка, – заглядывая Сергею в лицо, спросил Алька, – отчего это, когда мы поем «заводы, вставайте» и «шеренги смыкайте», то все хорошо и хорошо. А вот как допоем до «товарищей в тюрьмах, в застенках холодных», то ты всегда

лежишь и глаза жмуришь.

– Отчего же всегда? – ответил Сергей. – Солнце в глаза светит, оттого и жмурю.

– А когда луна? – помолчав немного, переспросил Алька.

– А когда луна, то от луны. Вот какой ты чудак, Алька!

– А когда ни солнце, ни звезды, ни луна? – громко и уже настойчиво повторил Алька. – Я и сам знаю почему.

Он вскочил, протянул руку, показывая куда-то под обрыв, вниз, на серые камни. Молча взглянул на отца и быстро поднял руку, точно отдавая салют чему-то такому, чего удивленная Натка так и не смогла увидеть.

Натка подвинулась. Из-под ее ног с шумом покатились камешки. Алька обернулся, и теперь Натке уже не оставалось ничего, кроме как спрыгнуть навстречу.

– Это и есть она самая! – закричал Алька, глядя на запутавшуюся в цветных лентах и лоскутьях девушку.

– Наташа? – догадался Сергей.

– Я и есть самая, – подтвердила Натка.

– Ну, что Алька?

– Бегает, балуется. Такой… – Натка запнулась, – такой малыш. Не дергай, Алька, за ленты. Мы из них к празднику Эмине костюм сделаем. Вы еще с нею не поссорились?

– Нет, не поссорились, – ответил Алька. – Это мы с Васькой Бубякиным уже подрались. Он берет, а я не даю. Он говорит: дай! А я – не дам. Он меня – раз. А я его – раз, раз тоже. Только мы уже опять два раза помирились.

И, обернувшись к отцу, Алька объяснил:

– Эмине – это маленькая девчонка такая, веселая… башкирка. Сегодня плаксун Карасиков стал реветь: муу! муу! Она подпрыгнула, хохочет, скачет около него на одной ноге да по-башкирскому дразнится: тыр-бар-тыр, бур-тыр-тыр… Да быстро так, а сама все скачет, скачет. Очень хорошая башкирка. Только боится, когда ее за пятки схватишь: орет на всю палату.

Издалека загудел сигнальный колокол. Натка заторопилась:

– Алька, ко мне? Или вы его с собой возьмете?

– Нет, не с собою, – ответил, поднимаясь, Сергей. – Пойду отдохну, потом к озеру, а с утра в Ялту. Ну, бегите. Значит, послезавтра увидимся.

– Обязательно послезавтра, – приказал Алька. – Вечером будет костер, музыка, а потом… Нет, лучше не скажу. Придешь, тогда сам увидишь.

Они убежали.

Сергей постоял, подошел к обрыву, куда только что молча показывал Алька. Он поглядел вниз и тоже улыбнулся, как будто бы и он что-то видел там, меж глыбами серого влажного камня.

Потом он свистнул, одернул ремень и зашагал вниз, на ходу припоминая, что надо послать на первый участок обещанных лошадей и надо разыскать того старика татарина, который жаловался, что его обсчитали.

Бригадиру Шалимову Сергей верил не очень.

На другой день, сразу же после завтрака, Тольку Шестакова отослали за краской на нижний склад. Толька подмигнул Владику, чтобы Владик подождал.

Но на складе, как нарочно, пришлось долго стоять в очереди. Все отряды спешно заканчивали предпраздничные работы. То и дело подбегали гонцы и требовали проволоки, шпагата, бумаги, краски, кумачу, фонарей, свечей, гвоздей. Все торопились, и всем было некогда.

Когда Толька наконец вернулся в отряд, оказалось, что куда-то исчез Владик.

Толька носился туда и сюда, рыскал по всем углам и до того намозолил всем глаза, что Натка засадила его приколачивать мелкими гвоздиками золотую каемку по краям пятиконечной звезды.

Едва Толька уселся, как откуда-то вынырнул Владик, который никуда далеко не уходил, а нарочно, чтобы дождаться друга, прошмыгнул вне очереди принимать ванну.

С досады и чтобы поскорее им освободиться, Владик тоже вызвался приколачивать гвоздики. Но хитрая Натка сразу смекнула, что от такой работы толку будет мало, и, всучив Владику целую кипу маленьких флажков, приказала тащить их вниз и сдать дежурному по главной лагерной площадке.

В другое время Владик обязательно заспорил бы, но сейчас это было невыгодно: ему нужно было казаться послушным.

Сердито глянув на Тольку, он спокойно вышел, а очутившись за дверью, напролом, через кустарник, через ручейки и овражки помчался вниз, чтобы поскорей вернуться и, пользуясь предпраздничной суматохой, убежать с Толькой к развалинам старых башен.

Однако, когда взмокший Владик вернулся, Тольку он не застал. Оказывается, сразу же после ухода Владика Натка выругала Тольку за то, что он криво забивает гвоздики, и турнула его прочь. А обрадованный Толька тотчас же ринулся догонять Владика, но не напролом, а мимо сада, через мостик и дальше по тропке.

«Вот еще напасть!» – подумал огорченный Владик и сгоряча дал подзатыльник подвернувшемуся черкесенку Ингулову. Но тут на помощь Ингулову выглянул здоровенный пионер, кубанец Лыбатько, и Владику пришлось уносить ноги подальше.

На поляне, под кипарисами, злой и усталый Владик наткнулся на Альку и октябренка Карасикова, которые копошились возле толстого чурбана, пытаясь спихнуть его под откос, в болотце. Здесь Владик вспомнил, что и октябренку Карасикову надо дать щелчка. Карасиков утром наябедничал, что Владик запихал Баранкину под простыню жестяную мыльницу и платяную щетку.

Но тут оглянулся Алька и, спокойно глядя на грозное лицо Владика, попросил, чтобы он помог им сдвинуть тяжелый чурбан.

Такая смелая просьба Владику понравилась.

Через минуту чурбан с треском полетел вниз и, как бомба, плюхнулся в болотце, заставив разлететься во все стороны обалдевших лягушек.

– Ты хороший человек, Алька! – присаживаясь на траву, задумчиво проговорил Владик.

Алька улыбнулся и с любопытством посмотрел Владику в глаза.

– Ты хороший человек, – внезапно придумал Владик. – Жалко, что ты мал еще, а то я взял бы тебя к себе в товарищи. Мы бы залезли с тобой на самую высокую гору, стали бы с винтовками и сторожили бы оттуда всю страну.

– И я бы тоже залез, – обиженно вставил Карасиков, который после того, как увидел, что щелчка не будет, осмелел и подвинулся поближе.

– Или нет, – охваченный новой фантазией и показывая Карасикову кукиш, продолжал Владик. – Я бы стоял с винтовкой, ты бы смотрел в подзорную трубу, а Толька сидел бы возле радиопередатчика. И чуть что – нажал ключ, и сразу искры, искры… тревога!.. тревога!.. Вставайте, товарищи!.. Тогда разом повсюду загудят гудки – паровозы, пароходы, сверкнут прожектора. Летчики – к самолетам. Кавалеристы – к коням. Пехотинцы – в поход. И рабочие бегут на заводы, и работницы бегут. Спокойней, товарищи! Нам не страшно!

– Я бы тоже побежал! – уныло завопил оскорбленный Карасиков. – Раз все бегут – значит, я тоже.

Этот жалобный возглас охладил Владика. Он сразу потух, остыл и продолжал уже негромко и насмешливо:

– А потом после боя вдруг вспомнили бы: а где это, братцы, наш герой Карасиков? Ни среди живых его нет, ни среди мертвых, ни среди раненых. А кто это ворочается в спальне под кроватью? Ах, это вы, гражданин Карасиков! Ах, вы умеете только языком болтать да ябедничать, как я Баранкину под простыню мыльницу да щетку запихал! Да раз ему за такие дела щелчка! Два щелчка! То-то, карасятина!..

Не успел отщелканный Карасиков пикнуть, как озорной Владик уже исчез.

Карасиков хныкнул и вопросительно посмотрел на Альку.

– Ничего! – успокоил Алька. – Он тебе только два раза. А про все другое – это он нарочно. Там Красная Армия и без нас сторожит. Там не один часовой, а тысячи часовых, и все стоят и не шелохнутся.

– И я бы тоже не шелохнулся, – не уступал Карасиков.

– Нет, ты бы шелохнулся! – рассердился Алька. – Почему же вчера на утренней линейке все стоят смирно, а ты ворочался, ворочался… даже Натка заругалась?

– И вовсе не ворочался. Это оттого, что у меня шнурок оборвался и штаны вниз сползали, – обидчиво возразил Карасиков.

– А разве же у часовых сползают! – снисходительно усмехнулся Алька. – Эх ты, хвастунишка!

Из-за кустов выскочил Иоська.

– Где вы запропастились? – размахивая руками, затараторил он. – Бегите скорее! В море катер! Сейчас встречать… Гости едут. Матросы!.. Ворошиловцы!..

…Уже выбивали дробь барабанщики, трубили сигналисты, кричали звеньевые, и гулко в море заревела сирена причаливающего катера.

Это приплыли пионеры севастопольского военизированного лагеря – ворошиловцы.

В длинных черных брюках, в матросках с голубыми полосатыми воротниками, на подбор рослые, здоровые, они шагали быстро, уверенно, и видно было, что они крепко дорожат и гордятся своей выправкой и дисциплиной.

Среди них Владик увидел знакомого мальчишку и нетерпеливо крикнул ему:

– Мишка, здорово!

Но тот только повел глазами и чуть-чуть улыбнулся, как бы давая понять, что хотя он и сам рад, но все это потом, а сейчас он, пионер, матрос-ворошиловец, в строю.

После ужина ребята получили новые трусы, безрукавки и галстуки. Везде было шумно, бестолково и весело.

Барабанщики подтягивали барабаны, горнисты отчаянно гудели в блестящие, как золото, трубы. На террасе взволнованная башкирка Эмине уже десятый раз легко взлетала по чужим плечам чуть не к потолку и, раскинув в стороны шелковые флажки, неумело, но задорно кричала:

– Привет старай гвардий от юнай смена!

На крыльце, рассевшись, как воробьи, громко и нестройно пели октябрята. Тут же рядом вспотевший Баранкин заколачивал последние гвозди в башенку фанерного танка, а прыткий Иоська вертелся около него, подпрыгивал, похваливал, поругивал и поторапливал, потому что танк надо было еще успеть выкрасить.

– Так, значит, завтра? – уговаривался Толька с Владиком.

– Сказано, завтра.

– И чтобы не получилось, как сегодня. Я туда – он сюда. Он сюда, а я туда. Как только приведут, скомандуют «разойдись», я сразу нырк, ты тоже. И на верхней тропке, возле беседки, встретимся.

– А если там кто-нибудь уже есть?

– Тогда шарах в кусты. Сиди да посвистывай.

– Я-то свистну! – усмехнулся Владик, и, щелкнув языком, он рассыпался такой оглушительной трелью, что Натка подозрительно посмотрела на этих друзей и погрозила пальцем.

Наступил вечер праздника.

При первом ударе колокола затихли песни, оборвались споры, прекратились игры, и все поспешней, чем обыкновенно, бросились к своим местам в строю.

– Ты не видала папу? – уже в третий раз спрашивал огорченный Алька у Натки.

– Нет, Алька, еще не видала. А ну, ребята, одернуть безрукавки, поправить галстуки. Как у тебя шнурок, Карасиков?

Опять трусы сползать будут?

Пока ребята одергивали и оправляли друг друга, она успокоила Альку:

– Ты не печалься. Раз он сказал, что придет, – значит, придет. Наверно, на работе немного задержался.

На другом конце линейки разгневанный звеньевой Иоська ахал и прыгал возле насупившегося Баранкина.

– Сам танк заставлял красить, а теперь сам ругается, – хмуро оправдывался Баранкин.

– Так разве же я тебя галстуком заставлял красить? – возмущался Иоська. – И тут пятно, и там пятно. Эх, Баранкин, Баранкин! Ты бы хоть раньше сказал, а теперь и кладовая заперта и кастелянша ушла. Ну, что мне теперь делать, Баранкин?

– Раньше я пошел галстук горячей водой с мылом мыть, а сейчас, когда высохло, гляжу – опять на сухом видно. Я макнул кисть, вдруг кто-то меня толк под руку. Ну, вот и брызнуло. Разве же, когда человек работает, тогда толкаются? Я, когда человек работает, лучше его за сто шагов обойду, а толкать никак не буду.

– Значит, у беседки, – еще раз шепотом напомнил Толька. – Спички взял?

– Взял… Помалкивай, – тихо ответил Владик и неосторожно похлопал по заправленной в трусы безрукавке.

Неполный спичечный коробок брякнул, и звеньевой Иоська разом обернулся:

– Ты зачем спички взял? Нехорошо! Брось, Владик.

– А тебе что? – испуганно прошипел Владик. – Какие спички?

– Звено, Владик, ударное, а у одного галстук в краске, у другого спички спрятаны… Брось лучше. Стыдно! Да чего ты грозишься! А то не посмотрю, что товарищ, и скажу вожатой.

– Ну, говори… Провокатор!

Иоська отшатнулся. Доброе веснушчатое лицо перекосилось, губы дернулись, кулаки сжались. Но в это же самое мгновенье снизу, от главного штаба, взвилась сигнальная ракета «всем сбор». И от фланга к флангу раздалась громкая команда: «Внимание!»

Если бы это был не Иоська, а кто-либо другой, то, вероятно, несмотря на сигнал, несмотря на команду, позорная драка в строю была бы неминуема.

Но Иоська сразу опомнился, тяжело задышал и, медленно разжимая кулаки, стал в строй.

Все это случилось так быстро, что почти никто из ребят ничего не заметил.

Сразу же рассчитались, повернули направо и с дружной песней о юном барабанщике, слава о котором не умрет никогда, двинулись вниз.

Внизу, невдалеке от моря, с трех сторон окаймленная крутыми цветущими холмами, распласталась широкая лагерная площадка.

На скамьях, на табуретках, на скалистых уступах, на возвышенных зеленых лужайках расположились ребята, нетерпеливо ожидая, когда в конце праздника вспыхнет невиданно огромный костер, искусно выложенный в форме высокой пятиконечной звезды.

Условившись о месте сбора, ребята Наткиного отряда разбежались каждый куда хотел.

Уже загремела музыка. Подплывала на моторке ялтинская делегация. Подошли летчики из военного санатория, и, неторопливо покачиваясь на седлах, подъехали старики татары из соседнего колхоза.

В толпе Натку окликнул знакомый ей комсомолец Картузиков.

– Ну что?… Здорово? – не останавливаясь, спросил он. – Приходи завтра на волейбол. – И уже издалека он крикнул: – Забыл… Там тебе письмо… спешное. На столе в дежурке лежит.

«Что за спешное? – с неудовольствием подумала Натка. – И от кого бы? От Верки только что было. Мать спешно посылать не станет. А больше будто бы и неоткуда. Успею!» – подумала она и пошла туда, где танцующий хоровод ребят окружил смущенных летчиков.

Раскрасневшиеся летчики неумело маневрировали и так и этак, пытаясь вырваться из заколдованного круга. Стоило им сделать шаг, и веселый хоровод двигался вместе с ними. И так до тех пор, пока они не оказались припертыми к стен-

ке беседки. Тут их расхватали, растащили и рассадили всех порознь, чтобы никому из ребят не было обидно.

Натка постояла, постояла и снова вспомнила о письме.

«А что, ведь успею еще и сейчас, – подумала она. – Добежать долго ли?»

Она одернула майку и, не отвечая ни на чьи вопросы, помчалась к дежурке.

И все-таки письмо оказалось от матери. Письмо было серьезное и бестолковое. Мать писала, что отца куда-то переводят надолго и отец обещает ехать всей семьей. Там будет квартира в три комнаты, огород и сарай. Езды туда целая неделя. И что отец ходит веселый, а пятилетний братишка Ванька еще веселей и уже разбил Наткину дареную чернильницу. И что она, мать, хотя не скучная, но и веселиться ей не с чего. Здесь жили, жили, а там еще кто знает? Сторона там чужая, и народ, говорят, не русский.

Два раза Натка прочла это письмо, но так и не поняла: кто переводит? Куда переводят? Какая сторона и какой народ? Поняла она только одно: что мать просит ее приехать пораньше и в Москве, у дяди, никак не задерживаться.

Натка задумалась. Вдруг волны быстрой, веселой музыки, потом многоголосая знакомая песня рванулась через окно в пустую дежурку.

Натка сунула письмо за майку, выбежала и увидела с горки, что лагерный праздник уже гремит и сверкает сотнями огней.

Это проходили парадом физкультурники.

– Ты что пропала? Я тебя искал, – сердито спросил откуда-то выползший Алька. – Идем скорее, а то, пока я тебя искал, какой-то мальчишка сел на мою табуретку, и мне теперь нигде и ничего не видно.

Натка взяла его за руку и пробралась к тому краю, где стоял десяток свободных стульев.

– Туда нельзя, – остановил ее озабоченный Алеша Николаев. – Это места для шефов. И чего только опаздывают!

– Ну, что шефы! Придут – мы тогда уступим. Он же маленький, и ему ничего же видно, Алеша.

– Пусти одного, потом другой, потом третий… – ворчливо начал было Алеша, но не кончил, потому что на площадку с приветственным словом вышел летчик.

Не успел он дойти до середины, как все бесчисленные огни разом погасли, в темноте что-то зашипело, треснуло. Через две-три секунды высоко над площадкой вспыхнул огонек и, поддерживаемая парашютом, повисла в воздухе маленькая серебристая модель аэроплана.

Тогда с земли, с лужаек, из-за кустов, из-за скалистых камней вырвался такой победно-торжествующий крик, что летчик недоуменно покачал головой и почти целую минуту молчал, не зная, как ему быть и с чего начать.

Но потом он выпрямился и слово за словом нашел такие простые, горячие слова, что все примолкли, притихли, а заслушавшийся Иоська, который и сам давно уже мечтал быть

летчиком, нечаянно оступился и едва не полетел, но только не к далекому синему небу, а в глубокую канаву с колючками.

Потом выскочили девчонки – танцорки и физкультурницы, и тут же сразу случилась заминка. Сначала пробежал легкий говорок, потом громче, громче, и наконец зашумело, загудело:

– Идут… Идут… Идут…

Из глубины аллеи показалось человек десять уже пожилых людей. Это и была делегация шефов лагеря из дома отдыха ЦИК в Ай-Су.

Натка поспешно встала и взяла Альку на руки.

Когда стихли приветствия и шефы сели на места, а праздник пошел своим чередом, Натка увидела, что крайний стул, как раз тот самый, с которого она встала, остался свободным. Она потихоньку подвинула стул, села и посадила Альку на колени.

В то время как девчата-физкультурницы строили замысловатую пирамиду, Натка искоса разглядывала прибывших шефов. И вдруг на соседнем стуле она увидела очень знакомое лицо.

«Кто это? – растерялась Натка. – Лицо смуглое, чернобородый. Седина, очки… Да кто же это?»

Как раз в эту минуту все дружно захлопали, засмеялись.

Засмеялся и чернобородый: карр! карр! И тогда обрадованная Натка сразу поняла, что это, уж конечно, Гитаевич,

тот самый, который так часто бывал у Шегалова и с которым так подружилась Натка, когда два года тому назад она целый месяц гостила у дяди в Москве.

Натка придвинула стул, взяла Гитаевича за руку и заглянула ему в лицо.

Он узнал ее сразу и засмеялся – закаркал так громко, что удивленный Алька соскользнул с Наткиных колен и с откровенным любопытством уставился на этого странного, похожего на цыгана человека.

– Кто это у тебя? – шутливо спросил Гитаевич. – Для сына велик, для братишки мал. Племянник, что ли?

– Это Алька Ганин, сын одного инженера. Он к моему отряду прикомандирован, – пошутила Натка.

Гитаевич угловато двинулся. Он протер очки и, как показалось Натке, что-то уж очень пристально посмотрел на стоявшего перед ним маленького человечка.

– Я побегу… мне пора… Я сюда вернусь, – заторопился Алька и с обидою добавил: – Эх, папка, папка, так и не пришел.

– Сережи Ганина? – глядя вслед убегающему Альке, переспросил Гитаевич.

– Да, Ганина. А вы его разве знаете?

– Я-то его знаю, – ответил Гитаевич, – очень давно. Еще по армии знаю.

– Значит, вы их всех хорошо знаете? – помолчав немного, опросила Натка. – А где, Гитаевич, у Альки мать? Она

умерла?

Гром барабанов и гул музыки заглушили ответ. Это проходили лагерные военизированные отряды пионеров. Сначала с лучшими стрелками впереди прошла пехота. Шаг в шаг, точно не касаясь земли, прошли матросы-ворошиловцы. За ними – девочки-санитарки. Потом как-то хитроумно проползли фанерные танки. Затем по опустевшей площадке забегали какие-то прыткие ловкачи. Что-то по земле размотали, растянули и скрылись.

Музыканты ударили «Марш Буденного». Двойной ряд пионеров расступился, и в строю, по четыре, на колесных и игрушечных конях выехал «Первый сводный октябрятский эскадрон имени мировой революции».

Там был и Алька.

Поддерживая равнение, эскадрон проходил быстрым шагом и под взрывы дружного хохота, под музыку и песню буденовского марша, подхваченную и пионерами, и гостями, и шефами, скрылся на противоположном конце площадки.

– Жулики! – обиженно объяснил кому-то сидевший неподалеку Карасиков. – Разве же они сами едут? Их с другого конца на бечевках тянут. Я уже все узнал. Это если бы и меня потянули, я бы тоже поехал.

Теперь почти вся площадка заполнилась ребятами. Затевались массовые игры, и выступали отрядные кружки.

Ночь была душная. Гитаевич вытер лоб и обернулся к Натке, отвечая на ее вопросы:

– У него мать не умерла. Его мать была румынской комсомолкой, потом коммунисткой и была убита…

– Марица Маргулис! – почти вскрикнула пораженная Натка.

Гитаевич кивнул головой и сразу закашлял, заулыбался, потому что со всех ног к ним бежал с площадки всадник «Первого октябрятского эскадрона имени мировой революции» – счастливый и смеющийся Алька.

В это время Натке сообщили, что Катюша Вострецова разбила себе нос и ревет во весь голос, а у Федьки Кукушкина схватило живот, и, вероятно, этот обжора Федька объелся под шумок незрелым виноградом.

Натка оставила Альку с Гитаевичем и пошла в дежурку.

Катюша уже не ревела, а только всхлипывала, придерживая мокрый платок у переносицы, а перепуганный Федька громко сознался, что съел три яблока, две груши, а сколько винограду, не знает, потому что было темно.

– Танком ее по носу задело, – сердито объяснял Натке звеньевой Василюк. – Я ей говорю: не суйся. Так нет, растяпа, не послушалась. Иоськина башня повернулась – и бац ей орудием прямо по носу!

Растяпу Катюшу и обжору Федьку Натка приказала отправить домой, а сама по-над берегом пошла к Альке.

Вскоре она остановилась. Перед ней расстилалось невидимое отсюда море, и только слышно было, как равномерно плещутся волны.

На небе ни луны, ни звезд не было, и только где-то, но очень далеко и слабо, мерцал быстрый летящий огонек – должно быть, пограничного костра. И вдруг Натка подумала, что совсем ведь недалеко, всего только на другом берегу моря, лежит эта тяжелая страна Румыния, где погибла Марица…

Кто-то тронул ее за руку. Она нехотя обернулась и увидела Сергея.

– Алька где? Я спрашивал, мне сказали, что он с вами, Наташа.

– Он со мною, – обрадовалась Натка. – Сейчас он сидит с Гитаевичем. Пойдемте… Он вас ждал, ждал…

– Опоздал я, Наташа, – виновато ответил Сергей. – Там у меня всякая чертовщина творится.

Они не дошли до Гитаевича всего несколько шагов, как опять разом погас свет и все смолкло.

– Стойте! – шепнула Натка. – Сейчас зажгут костер.

В темной тишине резко зазвучал горн, и сейчас же по краям площадки вспыхнули пять дымных факельных огней. Горн зазвучал еще раз, и огни стремительно, точно по воздуху, рванулись к центру площадки.

Долго огонь бежал и метался внутри подожженного костра. То он вырывался меж сучьев, то опять забирался вглубь, то шарахался по земле. И вдруг, как бы устав шутить и баловаться, огромный вихрь пламени взметнулся и загудел над костром.

Тяжелые ветви скорчились, затрещали. Тысячи горящих искр помчались в небо. Стало так светло и жарко, что даже те, кто сидел далеко, щурили глаза и вытирали лица, а сидевшие поближе повскакали и с визгом кинулись прочь.

Когда Натка обернулась, то увидела, что Сергей уже держит Альку на руках, а раскрасневшийся, взволнованный Алька быстро рассказывает отцу о делах минувшего дня.

Было уже поздно, когда кое-как, вразброд, вернулся Наткин отряд к дому.

Не успела еще Натка взойти на крыльцо, а к ней уже подбежала встревоженная дежурная сестра и тихо рассказала, что всего десять минут назад Владик Дашевский привел исцарапанного, разбитого Тольку Шестакова и у Тольки, кажется, вывихнута рука.

Натка кинулась в дежурку. Там, сгорбившись на клеенчатом диване, с лицом, заляпанным йодом, с примочкой под глазом и с рукою на перевязи, сидел Толька. Видно было, что ему очень больно, но что из какого-то упрямства он сознаваться в этом не хочет.

– Как же это? Где это вы? – подсаживаясь рядом, участливо спросила Натка.

Толька молчал. Вмешалась дежурная:

– Говорит, что когда заканчивался костер и стали ребята разбегаться, то, чтобы обогнать всех, бросились они с Владиком прямой тропинкой… А там ручьи, кусты, камни, овраги. Сорвался где-то на берегу и брякнулся.

Разыскали сонного Гейку. Гейка засуетился и быстро запряг лошадь. Тольку повезли в свой же лагерный лазарет, а Натка, несмотря на полночь, собралась с докладом к начальнику: строго-настрого было приказано обо всех несчастных случаях доносить ему во всякое время дня и ночи.

Перед тем как идти, Натка завернула в палату. Она вошла бесшумно, неожиданно и, несмотря на полутьму, успела заметить, как Владик быстро повернулся и притих. Значит, он еще не спал.

– Владик, – спросила Натка, – расскажи, пожалуйста, где… как это все случилось?

Владик не отвечал.

– Дашевский, – строго повторила Натка, – ты не ври. Я же видела, что ты не спишь. Говори, или я сегодня же расскажу про тебя начальнику лагеря.

С начальником Владик разговаривать не хотел, и, сердито приподнявшись, сухо и коротко он слово в слово повторил то, что уже говорил дежурной сестре Толька.

– Черт вас ночью по оврагам носит, – не сдержавшись, выругалась Натка и в потемках устало побрела к начальнику.

А Сергей опоздал на праздник вот из-за чего.

Вернувшись из Ялты, после обеда Сергей пошел по участкам. На первом дела подвигались быстро и толково, поэтому, не задерживаясь, Сергей прошел на второй. Там еще не закончили рыть запасной водослив, а крепить совсем еще не начинали.

Он спросил: «Где Дягилев?» Ему ответили, что Дягилев на третьем. Тогда и Сергей пошел к плотине, на третий.

Поднимаясь к озеру, еще издалека Сергей увидел впереди на тропке того самого старика татарина, который и был ему нужен.

В это время верхом на тощей коняге Сергея догнал десятник Шалимов и, соскочив с седла, пошел рядом.

– Плохо дело, начальник! – вздохнул Шалимов и вытер концом башлыка пыльное морщинистое лицо. – Люди работают плохо.

– Сам вижу, что плохо. Водослив еще не кончили, крепить не начинали. Хорошего мало!

– Грунт тяжелый, – еще глубже вздохнул Шалимов, – камень, щебенка. Человек работает, работает, ничего не заработает. Крепко жалуются. Вчера на работу трое не вышли. Сегодня опять некоторые говорят: если не будет прибавки, то никто не выйдет. Ну, что мне, начальник, делать? – И Шалимов огорченно развел руками.

– Почему это только тебе, а ни мне, ни Дягилеву никто не жалуется? Чудно что-то, Шалимов.

– Ты человек новый, к тебе еще не привыкли. А Дягилеву говорили уже. Да что с него толку? Чурбан человек. А с меня все спрашивают: ты старший, ты и говори.

– Ладно, – решил Сергей. – К вечеру, сразу после работ, собери людей на участке. Я сам приду, тогда и потолкуем. А теперь поезжай назад. Да посматривай сам получше, – быст-

ро и наугад соврал Сергей, – а то сегодня двое жаловались мне, что им работу не так замерили.

– Где, начальник? – забеспокоился Шалимов. – На водосливе или у насыпи?

– Не спросил. Некогда было. Ты там старший – тебе на месте видней. До свиданья, Шалимов. Значит, сразу после работы.

«Что-то неладно», – подумал Сергей и увидел, что старика татарина на тропе уже не было. Сергей прибавил шагу, дошел до поворота, но и за поворотом старика не было тоже.

Вскоре Сергей очутился на берегу небольшого спокойного озера.

Слева, у плотины, стучали топоры. Густо пахло горячей смолой. Шестеро пильщиков, дружно вскрикивая, заваливали на козлы тяжелое, еще сырое бревно.

– Дягилев где? – спросил Сергей у встретившегося парня.

– А вон он! – И парень показал топорищем куда-то на горку.

Сергей посмотрел, но глаза ему слепило солнцем, и он никого не видел.

– Да вон он! – повторил парень. – Видишь, у куста стоит и с братом разговаривает.

– С каким братом?

– Ну, с каким? Со своим… с родным…

«Вон оно что! – подумал Сергей, увидав возле Дягилева того самого дядю, который на днях так не ко времени напил-

ся. – То-то Дягилев тогда растерялся».

Увидав Сергея, дягилевский брат неловко поздоровался и пошел прочь.

– Так смотрите же! – строго крикнул ему вдогонку Дягилев. – Чтобы к вечеру все шестьдесят плах были готовы! Плотник это наш, – объяснил он Сергею. – Он у них за старшего. Работник хороший! – И, отворачиваясь от Сергея, он нехотя добавил: – Конечно… бывает, что и выпивает.

Они пошли по стройке.

– Говорили что-нибудь из шалимовской бригады насчет расценок? – спросил Сергей.

– Да так, болтали. Разве их всех переслушаешь?

– На что жаловались?

– Известно на что: грунт плохой, нормы велики, расценки малы. Что же им еще говорить?

– А на третьем участке, на первом, там, где русские, почему там не жалуются?

Дягилев промолчал.

– Чудно дело, – удивился Сергей. – Грунт одинаковый, нормы везде те же, расценки те же. Русские не жалуются, а татары жалуются. И не пойму я, с чего бы это такое, Дягилев?

– Значит, такой уж у них характер вредный, – не очень уверенно предположил Дягилев и тут же вспомнил: – На втором пролете, Сергей Алексеевич, опорный столб треснул, и я сказал, чтобы новым заменили. Вон, поглядите, плотники рубят.

Уже совсем свечерело, когда Сергей спускался на второй участок. Он торопился, потому что сразу же после собрания должен был, как обещал Альке, прийти на праздник. И вот на пустынной тропке, опять на том же самом месте, Сергей увидел все того же старика татарина.

«Что такое?» – удивился Сергей и прямо направился к поджидавшему.

Старик поздоровался и тихо пошел рядом.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Сергей. – И куда ты все прячешься? Рассказывай, что у тебя… Обсчитали?… Обманули?… Обидели?…

– Обманули, – равнодушно согласился старик, – и обсчитали – верно. И обидели… верно!

– Ты и сейчас работаешь?

– Нет, – так же равнодушно, точно и не о нем шла речь, продолжал старик. – В тот раз Шалимов заметил, что я тебе жаловался. На другой день уволил. Старый, говорит, плохо работаешь. А раньше, когда молчал, то хорошо работал. И все, кто молчит, тот хорош. Вчера троих опять отослал – плохо работают. А тебе, может быть, сказал: сами ушли. Расценки низкие. Конечно, низкие, – дергая Сергея за рукав, продолжал старик. – Я двадцать кубометров взял, а получил деньги за шестнадцать. А разве я один? Таких много. Где четыре кубометра? Конечно, выходит низкая. Я ему говорю, а он сердится: «Ты мне голову не путай, я тебя грамотней». Я пошел к старшему, к Дягилеву, а он говорит: «Я вашего де-

ла не знаю. Я даю Шалимову бумагу – ведомость – и деньги. Деньги он берет, а бумагу с вашими расписками несет мне обратно. Если все верно, то и я говорю – верно. Вы с ним и считайтесь, а я и языка вашего не понимаю, кто свою мне фамилию распишет, кто чужую… Аллах вас разберет». Конечно, аллах, – с насмешкой повторил старик и совсем уже неожиданно закончил: – До свиданья, начальник, спасибо!

– Погоди! – окликнул Сергей. – Постой, куда же ты? Пойдем со мной.

Но старик, сгорбившись и не оборачиваясь, быстро-быстренько шмыгнул в кусты.

Сергей спустился на второй участок и попросил, чтобы ему нашли Шалимова. Он ждал долго. Наконец посланный вернулся и сказал, что Шалимов зашиб себе ногу и уехал домой.

Он пошел к сараям и увидел, что там собралось всего человек восемь. Он спросил, почему так мало. Сначала ему не отвечали, но потом объяснили, что сегодня на деревне праздник. Он заинтересовался, какой же это праздник, и тогда после некоторого молчания ему объяснили, что у шалимовского сына третьего дня родился ребенок. Сколько ни вызывал Сергей на разговор собравшихся, казалось, что они так и не поняли, чего он хочет.

Сергей отпустил людей и пошел к лагерю.

И тогда он решил, пока дело разберется, Шалимова сейчас же выгнать, попросить в райкоме татарского десятника.

Вспомнив о том, что вместе со шкатулкой пропали все ведомости, документы и расписки, Сергей нахмурился.

Уже совсем стемнело. Влево от тройки расплывчато обозначались очертания башенных развалин. Очень издалека, снизу, вместе с порывами жаркого ветра доносилась музыка.

«Опаздываю, – понял Сергей. – Алька рассердится».

За кустами блеснул огонь. Гулкий выстрел грянул так близко, что дрогнул воздух и где-то над головой Сергея с треском ударил в каменную скалу дробовой заряд.

– Кто? – падая на камни и выхватывая браунинг, крикнул Сергей.

Ему не отвечали, и только хруст кустарника показал, что кто-то поспешно убегал прочь.

Сергей приподнялся и дважды выстрелил в воздух. Он прислушался, и ему показалось, что уже далеко кто-то вскрикнул.

Тогда Сергей встал. Не выпуская из рук браунинга, он пошел дальше и шел так до тех пор, пока с перевала не открылась перед ним широкая, ровная дорога.

Музыка внизу играла громче, громче, а лагерная площадка сверкала отсюда всеми своими огнями.

Сергей защелкнул предохранитель, спрятал браунинг и еще быстрее зашагал к Альке.

Наутро после костра ребят разбудили часом позже. Еще задолго до линейки ребята уже разведали про то, что с Толькой Шестаковым случилось несчастье. Но что именно слу-

чилось и как, этого никто толком не знал, и поэтому к Натке подбегали с расспросами один за другим без перерыва.

Спрашивали: верно ли, что Толька сломал себе ногу? Верно ли, что Тольке во время вчерашнего фейерверка стукнуло осколком по башке? Верно ли, что доктор сказал, что Толька теперь будет и слепой, и глухой, и вроде как бы совсем дурак? Или только слепой? Или только глухой? Или не глухой и не слепой, а просто полоумный?

Сначала Натка отвечала, но потом, когда увидела, что все равно кругом галдят, спорят и несут какую-то чушь, она стала сердиться, и, опасаясь, как бы вздорные слухи во время общелагерного завтрака не перекинулись в другие отряды, она вызвала угрюмого Владика и попросила его, чтобы он сейчас же, на утренней линейке, вышел и рассказал отряду, как было дело.

Но Владик отказался наотрез. Она просила, уговаривала, приказывала, но все было бесполезно.

Раздраженная Натка посулила ему это припомнить и велела подать сигнал на пять минут раньше, чем обычно.

Собирались долго, строились шумно, бестолково, равнялись плохо.

Против обыкновения, Владик стоял молча, никого не задирая и не отвечая ни на чьи вопросы.

Молча и внимательней, чем обыкновенно, наблюдал за Владиком Иоська. Очевидно, вчерашнее не забыл, что-то угадывал и к чему-то готовился.

Со слов Владика, Натка коротко рассказала ребятам, как было дело с Толькой. Пристыдила за нелепые выдумки и предупредила, что в следующие разы за самовольное бегство из отряда будет строго взыскано и что на случае с Толькой Шестаковым ребята теперь и сами могут убедиться, к чему такое самовольничанье приводит.

– Неправда! – прозвучал по всей линейке негодующий голос. – Все это враки и неправда!

Натка нахмурилась, отыскивая того, кто хулиганит, и, к большому изумлению своему, увидела, что это выкрикнул красный и взволнованный Иоська.

Ребята зашевелились и зашептались.

– Тишина! – громко окрикнула Натка. – Почему говоришь, что все неправда?

– Все неправда, – убежденно повторил Иоська. – Когда вчера строились, Владик Дашевский зачем-то спрятал спички. Я пристыдил его, а он назвал меня провокатором. На костре ни его, ни Тольки не было, а бегали они еще куда-то. А куда, не знаю. И там, а не по дороге с костра, с ними что-то случилось. Я-то не провокатор, а Дашевский врун и обманывает весь отряд.

Все были уверены, что после таких слов Владик набросится на Иоську или со злобой начнет оправдываться. Но побледневший Владик, презрительно скривив губы, стоял молча.

– Дашевский, – в упор спросила Натка, – это правда, что

вас вчера на костре не было?

Не пошевельнувшись, не поворачивая даже к ней головы, Владик молчал.

– Дашевский, – сердито сказала тогда Натка, – сегодня же на вечернем докладе обо всем этом будет сказано начальнику лагеря, а сейчас выйди из строя и завтракать пойдешь отдельно.

Ни слова не говоря, Владик вышел и завернул в палату.

Через минуту отряд с песней шел вниз к завтраку. Завтракать Владик не пошел совсем.

Уже после обеда, после часа отдыха, когда ребята занимались каждый чем хотел, на пустом холмике, под тенью спаленной солнцем акации, сидел невеселый Владик. Все вышло как-то не так… нелепо и бестолково.

В сущности, Владику очень хотелось, чтобы ничего не было: ни вчерашней ссоры с Иоськой, ни вчерашнего случая с Толькой, ни утренней ссоры с Наткой, ни позорной утренней линейки. Но так как уже ничего поправить было нельзя, то он решил, что пусть будет, как будет, а он ни в чем не сознается, ничего не скажет. И хоть вызывай его сто начальников, он будет стоять молча, и пусть думают, как хотят.

По ту сторону забора весело играли в мяч. Вдруг мяч взметнулся и, ударившись о столб, отлетел рикошетом и покатился прямо к ногам Владика.

Владик посмотрел на мяч и не пошевельнулся.

Он не пошевельнулся и не крикнул даже тогда, когда за за-

бором поднялась суматоха: все бегали, разыскивая потерянный мяч, и громче других раздавался недоумевающий голос Иоськи: «Да он же вот в эту сторону полетел… Я же видел, что в эту!»

«Мне-то что?» – даже без злорадства подумал Владик и нехотя повернулся, заслышав чьи-то шаги.

Подошел и сел незнакомый парнишка. Он был старше и крепче Владика. Лицо его было какое-то сырое, точно вымазанное серым мылом, а рот приоткрыт, как будто бы и в такую жару у него был насморк.

Он наскреб табаку, поднял с земли кусок бумаги и, хитро подмигнув Владику, свернул и закурил.

Из-за угла выскочил Иоська. Наткнувшись на Владика, он было остановился, но, заметив мяч, подошел, поднял и укоризненно сказал:

– Что же! Если ты на меня злишься, то тебе и все виноваты? Ребята ищут, ищут, а ты не можешь мяч через забор перекинуть? Какой же ты товарищ?

Иоська убежал.

– Видал? – поворачиваясь к парню, презрительно сказал оскорбленный Владик. – Они будут мяч кидать, а я им подкидывай. Нашли дурака-подавальщика.

– Известно, – сплевывая на траву, охотно согласился парень. – Им только этого и надо. Ишь ты какой рябой выискался!

В сущности, озлобленный Владик и сам знал, что говорит

он сейчас ерунду, и ему гораздо легче было бы, если бы этот парень заспорил с ним и не согласился. Но парень согласился, и поэтому раздражение Владика еще более усилилось, и он продолжал совсем уж глупо и фальшиво:

– Он думает, что раз он звеньевой, то я ему и штаны поддерживай. Нет, брат, врешь, нынче лакеев нету.

– Конечно, – все так же охотно поддакнул парень. – Это такой народ… Ты им сунь палец, а они и всю руку норовят слопать. Такая уж ихняя порода.

– Какая порода? – удивился и не понял Владик.

– Как какая? Мальчишка-то прибегал – жид? Значит, и порода такая!

Владик растерялся, как будто бы кто-то со всего размаха хватил его по лицу крапивой.

«Вот оно что! Вот кто за тебя! – пронеслось в его голове. – Иоська все-таки свой… пионер… товарищ. А теперь вон что!»

Сам не помня как, Владик вскочил и что было силы ударил парня по голове. Парень оторопело покачнулся. Но он был крупнее и сильнее. Он с ругательствами кинулся на Владика. Но тот, не обращая внимания на удары, с таким бешенством бросался вперед, что парень вдруг струсил и, кое-как подхватив фуражку, оставив на бугре табак и спички, с воем кинулся прочь.

Когда Владик опомнился, то рядом уж никого не было. За стеною все так же задорно и весело играли в мяч. Очевидно,

там ничего не слыхали.

Владик осмотрелся. По серой безрукавке расплывались ярко-красные пятна: из носа капала кровь. Он хотел спрятаться в кусты, как вдруг увидел Альку.

Запыхавшийся Алька стоял всего в пяти-шести шагах и внимательно, с сожалением смотрел на Владика.

– Это тебя толстый избил? – тихо спросил Алька. – А отчего он сам ревел? Ты ему дал тоже?

– Алька, – пробормотал испуганный Владик, – иди… ты не уходи… мы сейчас вместе.

Они ушли в глубь кустов. Там Владик сел и закинул голову. Кровь утихла, но ярко-красные пятна на безрукавке и ссадина пониже виска остались.

Если бы только пятна крови, можно было бы сослаться на то, что напекло солнцем голову. Если бы только ссадина, можно было бы сказать, что оцарапался о колючки. Но когда все вместе, кто поверит? Кто же поверит после вчерашнего и после сегодняшнего? И можно ли объяснить, оправдаться, как и почему случилась драка? Нет, объяснить нельзя никак…

– Алька, – быстро заговорил Владик, – ты не уходи. Давай с тобой скоренько сбегаем к морю. Я за утесом место знаю. Там никогда никого нет… Я выполощу рубашку. Пока назад добежим, она высохнет – никто и не заметит.

Боковой дорожкой они спустились к морю. Алька уселся за глыбами и начал сооружать из камешков башню, а Вла-

дик снял безрукавку и пошел к воде. Но так как ночью был шторм и к берегу натащило всякой дряни, то Владик зашел в воду подальше. Здесь вода была чистая, и Владик начал поспешно прополаскивать безрукавку.

«Ничего, – думал он, – выстираю, высохнет, и никто не заметит. Ну, вызовут к начальнику или на совет лагеря. Ну конечно, выговор. Ладно. Стерплю, обойдется. А потом выздоровеет Толька, и тогда можно начать по-другому, по-хорошему…»

«Ах, собака! – злорадно вспомнил он серомордого парня. – Что, получил? Тоже нашел себе товарища!»

Он окунулся до шеи, обмыл лицо и ссадину.

И вдруг ему почудилось, что кто-то гневно окликнул его по имени. Он вздрогнул, выпрямился и увидел, что на площадке сверху скалы стоит Натка и грозит ему пальцем.

Так она постояла немного, махнула рукой и исчезла.

И в ту же минуту Владик понял, что теперь надежды на спасение нет, что погиб он окончательно, бесповоротно и ничто в мире не может спасти от того, чтобы его завтра же не выставили из отряда и не отправили домой.

Было немало своих законов у этого огромного лагеря. Как и всюду, нередко законы эти обходили и нарушали. Как и всюду, виновных ловили, уличали, стыдили и наказывали. Но чаще всего прощали.

Слишком здесь много было сверкающего солнца для ребенка, приехавшего впервые на юг из-под сумрачного Мур-

манска. Слишком здесь пышно цвела удивительная зелень, росли яблоки, груши, сливы, виноград для парнишки, присланного из-под холодного Архангельска. Слишком здесь часто попадались прохладные ущелья, журчащие потоки, укромные поляны, невиданные цветники для девчонки, приехавшей из пустынь Средней Азии, из тундр Лапландии или из безрадостных, бескрайних степей Закаспия.

И прощали за солнце, за яблони, за виноград, за сорванные цветы, за примятую зелень.

Но за море не прощали никогда.

С тех пор как много лет тому назад, купаясь без надзора, утонул в море двенадцатилетний пионер, незыблемый и неумолимый вырос в лагере закон: каждый, кто без спроса, без надзора уйдет купаться, будет тотчас же выписан из лагеря и отправлен домой.

И от этого беспощадного закона лагерь не отступал еще никогда.

Владик вышел из воды, крепко выжал безрукавку, оделся и взял Альку за руку.

Они прошлись вдоль берега и наткнулись на каменный городок из гигантских глыб, рухнувших с горной вершины. Они сели на обломок и долго смотрели, как пенистые волны с шумом и ворчаньем бродят по пустынным площадям и уличкам.

– Знаешь, Алька, – грустно заговорил Владик, – когда я был еще маленьким, как ты, или, может быть, немножко по-

меньше, мы жили тогда не здесь, не в Советской стране. Вот один раз пошли мы с сестрой в рощу. А сестра, Влада, уже большая была – семнадцать лет. Пришли мы в рощу. Она легла на полянке. Иди, говорит, побегай, а я тут подожду. А я, как сейчас помню, услышал вдруг: «фю-фю». Смотрю – птичка с куста на куст прыг, прыг. Я тихонько за ней. Она все прыгает, а я за ней и за ней. Далеко зашел. Потом вспорхнула – и на дерево. Гляжу – на дереве гнездо. Постоял я и пошел назад. Иду, иду – нет никого. Я кричу: «Влада!» Не отвечает. Я думаю: «Наверно, пошутила». Постоял, подождал, кричу: «Влада!» Нет, не отвечает. Что же такое? Вдруг, гляжу, под кустом что-то красное. Поднял, вижу – это лента от ее платья. Ах, вот как! Значит, я не заблудился. Значит, это та самая поляна, а она просто меня обманула и нарочно бросила, чтобы отделаться. Хорошо еще, что роща близко от дома и дорога знакомая. И до того я тогда обозлился, что всю дорогу ругал ее про себя дурой, дрянью и еще как-то. Прибежал домой и кричу: «Где Владка? Ну, пусть лучше она теперь домой не ворочается!» А мать как ахнет, а бабка Юзефа подпрыгнула сзади да раз меня по затылку, два по затылку! Я стою – ничего не понимаю.

А потом уж мне рассказали, что, пока я за птицей гонялся, пришли два жандарма, взяли ее и увели. А она, чтобы не пугать меня, нарочно не крикнула. И вышло, что зря я только на нее кричал и ругался. Горько мне потом было, Алька.

– Она и сейчас в тюрьме сидит? – спросил не пропустив-

ший ни слова Алька.

– И сейчас, только она уже не в тот, а в третий раз сидит. Я, Алька, все эти дни из дома письма ждал. Говорили, что будет амнистия, все думали: уж и так четыре года сидит – может быть, выпустят. А позавчера пришло письмо: нет, не выпустили. Каких-то там из других партий повыпускали, а коммунистов – нет… не выпускают… А потом на другой день пошел я уже один в рощу и назло гнездо разорил и в птицу камнем так свистнул, что насилу она увернулась.

– Разве ж она виновата, Владик?

– А знал я тогда, кто виноват? – сердито возразил Владик. И вдруг, вспомнив о том, что сегодня случилось, он сразу притих. – Завтра меня из отряда выгонят, – объяснил он Альке. – Пока ты за скалой играл, Натка меня сверху увидела.

– Так ты же не купался, ты только безрукавку полоскал! – удивился Алька.

– А кто поверит?

– А ты правду скажи, что только полоскал, – заглядывая Владику в лицо, взволновался Алька.

– А кто теперь моей правде поверит?

– Ну, я скажу. Я же, Владик, все видел. Я играл, а сам все видел.

– Так ты еще малыш! – рассмеялся Владик.

Владик крепко схватил Альку за руку. Он вздохнул и уже серьезно попросил:

– Нет, ты уж лучше помалкивай. А то и тебе попадет: зачем со мной связался? Да мне еще хуже будет, зачем я тебя к морю утащил. Идем, Алька. Эх, ты! И кто тебя, такого малыша, на свет уродил?

Алька помолчал.

– А моя мама тоже в тюрьме была убита, – неожиданно ответил Алька и прямо взглянул на растерявшегося Владика своими спокойными нерусскими глазами.

Ужинать отряд ходил без Натки. Натка долго проканителилась в больнице, где ей пришлось ожидать доктора, занятого в перевязочной.

С Толькой оказалось уж не так плохо: три ушиба и небольшой вывих. Она боялась, что будет хуже.

На обратном пути ее окликнули из библиотеки. Там ей ехидно показали две книжки с вырванными страницами и одну с вырезанной картинкой. Про две книжки Натка ничего не знала, а про третью сказала комсомольскому библиотекарю, что он врет и что картинка эта была вырезана еще до того, как книжка побывала в ее отряде. Библиотекарь заспорил, Натка вспылила и уже от двери назло напомнила ему, как он всучил недавно октябренку Бубякину вместо книги о домашних животных популярную астрономию Фламмариона.

Голодная и усталая, она понеслась в столовую. Там уже давно все убрали, и ей досталось только два помидора да холодное вареное яйцо.

Она вернулась в отряд, но там, как нарочно, уже поджидала ее кастелянша со своими бумагами и подсчетами. Увернуться Натка не успела.

– Сколько у вас потеряно носовых платков? – спросила кастелянша, решительно усаживая рядом с собой Натку и неторопливо раскладывая свои записки.

– Сколько? – вздохнула горько Натка и начала про себя подсчитывать по пальцам. – Вася! – крикнула она пробегавшему октябренку Бубякину. – Сбегай позови звеньевых. Только Розу не ищи – она внизу. А потом узнай, нашел Карасиков свой платок или нет. Наверно, растрепа, не нашел.

– Он на меня вчера плюнул, – мрачно заявил Вася, – и я с ним больше не вожусь.

– Ну, не водись, а сбегай. Вот погодите, я с вами поговорю на линейке, – пригрозила Натка. И, обернувшись к кастелянше, она продолжала: – Полотенец у нас уже четырех не хватает. Галстуки еще вчера у всех были. А вчера наши ребята в кустах подобрали две чужие панамы, маленькую подушку и один кожаный сандалий. Погодите записывать, Марта Адольфовна, сейчас звеньевые придут – может быть, и галстуков уже не хватает. Я ничего не знаю. Я сегодня весь день как угорелая.

Натка обернулась и увидела, что ее тихонько трогает за рукав Алька.

– Ну, что тебе? – спросила она не сердито, но и не совсем так приветливо, как обыкновенно.

– Знаешь что? – негромко, так, чтобы не услышала кастелянша, заговорил Алька. – А я тебя искал, искал… Знаешь… Он совсем не виноват. Я сам был и все видел.

– Кто не виноват? – рассеянно спросила Натка и, не дослушав, сказала: – А две вчерашние безрукавки, Марта Адольфовна, это совсем не наши. У нас и ребят таких нет. Это на здорового дядю. Может быть, в первом отряде два-три таких наберется. А у меня… откуда же?

– Он совсем не виноват, – еще тише и взволнованней продолжал Алька. – Ты, Натка, послушай… Он просто с мальчишкой подрался и хотел потом выполоскать. Он хороший, Натка. Он все письма про сестру ждал, ждал. Других выпустили, а ее не выпустили.

– Я вот им подерусь! Я вот им подерусь! – машинально пригрозила Натка. – Беги, Алька, что тебе тут надо? Ну что, Вася, идут звеньевые? А как у Карасикова?

– Он на меня фигу показал, – хмуро пожаловался Вася, – и я с ним больше никогда не вожусь. А платка у него все равно нет. И я сам видел, как он сейчас пальцем высморкался.

– Ладно, ладно. Я с вами потом разберусь. Значит, шести платков не хватает, Марта Адольфовна.

– Он нисколько не виноват, а ты на него думаешь, – уже со злобой и едва сдерживая слезы, забормотал Алька. – Он и сам тоже один раз на сестру подумал: и дура и дрянь, а она совсем не была виновата. Горько потом было. Ты только послушай, Натка… Он, Владик, лежал…

– Что Владик? Кто дрянь? Кто тебе позволил с ним бегать? – резко обернулась так ничего и не разобравшая Натка и тотчас же накинулась на Иоську, который, как ей показалось, подходил не очень быстро.

Если бы Натка была не так раздражена, если бы она обернулась в эту минуту, то она все-таки выслушала бы Альку. Но она вспомнила и обернулась уже тогда, когда Альки позади не было.

На вечерней линейке Альки вдруг не оказалось. Пошли посмотреть в палату: не уснул ли. Нет, не было. Покричали с террасы – нет, не откликается.

Тогда забеспокоились и забегали, стали друг у друга расспрашивать: где, как и куда?

Вскоре выяснилось, что Карасиков, который подкрался к двери подслушать, как Васька будет жаловаться на него за фигу, вдруг увидел, что мимо него весь в слезах пробежал Алька. Но когда обрадованный Карасиков припустился было вдогонку и закричал: «Плакса-вакса!», то Алька остановился и швырнул в Карасикова камнем так здорово, что Карасиков дальше не побежал, а пошел было пожаловаться Натке, да только раздумал, потому что Васька Бубякин и на него самого только что пожаловался.

Все это, конечно, узнала не Натка, а сами ребята, которые тотчас же наперебой рассказали об этом Натке. Тогда она вызвала десяток ребят постарше и посмышленей и приказала им обшарить все ближайшие полянки, дорожки и тропки,

а сама села на лавку, усталая и подавленная.

Смутно припомнились ей какие-то непонятные Алькины слова: «…А я тебя искал, искал… Он все письма ждал, ждал… Ты только послушай, Натка…»

«Зачем искал? Какого письма?» – с трудом соображала она. И тут подумала, что проще всего пойти и спросить у самого Владика. Но и Владик тоже уже куда-то исчез.

«Хорошо, – подумала Натка. – Хорошо, завтра тебе и это все припомнится».

Один за другим возвращались посланные. И когда наконец вернулся последний, десятый, Натка выбежала на крыльцо и, путаясь в темноте, помчалась к третьему корпусу, чтобы оттуда позвонить дежурному по лагерю.

Когда уже замелькали среди кустов огоньки, когда уже она поравнялась с первым фонарем, сбоку затрещало, захрустело, и откуда-то прямо наперерез ей вылетел Владик.

– Не надо, – задыхаясь, сказал он, – не надо…

– Ты нашел? – крикнула Натка. – Где он? Уже дома? В отряде?

– А то как же! – негромко ответил Владик. И тут Натка увидела, что глаза его смотрят на нее с прямой и открытой ненавистью.

Больше он ничего не сказал и повернулся. Она громко и тревожно окликнула его, он не послушался и исчез. Бояться ему все равно теперь было некого и нечего.

Когда Натка вернулась, то ей рассказали, что Владик Да-

шевский нашел Альку в двух километрах от лагеря, в маленьком домике под скалой, у отца. Там Алька сейчас и остался.

Натка прошла к себе в комнату и села.

Рассеянно прислушиваясь к тому, как шуршит крупная бабочка возле лампы, она припомнила свои печальные последние сутки: и Катюшу Вострецову с ее разбитым носом, и Тольку с его рукой, и Владика, и кастеляншу с ее галстуками, и дурака-библиотекаря с его враньем… И от всего этого ей стало так грустно, что захотелось даже заплакать.

В дверь неожиданно постучали. Заглянула дежурная и сказала Натке, что ее хочет видеть Алькин отец.

Натка не удивилась. Она только быстро потянулась к графину, но графин был теплый. Тогда, проходя мимо умывальника, она наспех жадно напилась прямо из-под крана и через террасу вышла к парку. Ночь была темная, но она сейчас же разглядела фигуру человека, который сидел на ступеньках каменной лестницы.

Они поздоровались и разговаривали в эту ночь очень долго.

На другой день Владика ни к начальнику, ни на совет лагеря не вызвали.

На следующий день не вызвали тоже.

И когда он понял, что его так и не вызовут, он притих, осунулся и все ходил сначала одиноким, осторожным волчонком, вот-вот готов был прыгнуть и огрызнуться.

Но так как огрызаться было не на кого и жизнь в Наткином отряде, всем на радость, пошла ладно, дружно и весело, то вскоре он успокоился и в ожидании, пока выздоровеет Толька, подолгу пропадал теперь в лагерном стрелковом тире.

С Наткой он был сдержан и вежлив.

Но едва-едва стоило ей заговорить с ним о том, как же все-таки на самом деле Толька свихнул себе руку, Владик замолкал и обязательно исчезал под каким-нибудь предлогом, придумывать которые он был непревзойденный мастер.

И еще что заметила Натка – это то, с какой настойчивостью этот дерзковатый мальчишка незаметно и ревниво оберегал во всем веселую Алькину ребячью жизнь.

Так, недавно, возвращаясь с прогулки, Натка строго спросила у Альки, куда он задевал новую коробку для жуков и бабочек.

Алька покраснел и очень неуверенно ответил, что он, кажется, забыл ее дома. А Натка очень уверенно ответила, что, кажется, он опять забыл банку под кустом или у ручья. И все же, когда они вернулись домой, то металлическая банка с сеткой стояла на тумбочке возле Алькиной кровати.

Озадаченная Натка готова была уже поверить в то, что она ошиблась, если бы совсем нечаянно не перехватила торжествующий взгляд запыхавшегося Владика.

А лагерь готовился к новому празднику. Давно уже обмелели пруды, зацвели бассейны, замолкли фонтаны и пересохли веселые ручейки. Даже ванная и души были заперты

на ключ и открывались только к ночи на полчаса, на час.

Шли спешные последние работы, и через три дня целый поток холодной, свежей воды должен был хлынуть с гор к лагерю.

Однажды Сергей вернулся с работы рано. Старуха сторожиха сказала ему, что у него на столе лежит телеграмма.

Важных телеграмм он не ждал ниоткуда, поэтому сначала он сбросил гимнастерку, умылся, закурил и только тогда распечатал.

Он прочел. Сел. Перечел еще раз и задумался. Телеграмма была не длинная и как будто бы не очень понятная. Смысл ее был таков, что ему приказывали быть готовым во всякую минуту прервать отпуск и вернуться в Москву.

Но Сергей эту телеграмму понял, и вдруг ему очень захотелось повидать Альку. Он оделся и пошел к лагерю.

В это время ребята ужинали, и Сергей сел на камень за кустами, поджидая, когда они будут возвращаться из столовой.

Сначала прошли двое, сытые, молчаливые. Они так и не заметили Сергея. Потом пронеслась целая стайка. Потом еще издалека послышался спор, крик, и на лужайку выкатились трое: давно уже помирившиеся октябрята Бубякин и Карасиков, а с ними задорная башкирка Эмине. Все они держали по большому красному яблоку.

Натолкнувшись на незнакомого человека, растерявшийся Карасиков выронил яблоко, которое тотчас же подхватила ловкая Эмине.

– Коза! Коза! Отдай, Эмка! Васька, держи ее! – завопил Карасиков, с негодованием глядя на хладнокровно остановившегося товарища.

– Доганай! – гортанно крикнула Эмине, ловко подбрасывая и подхватывая тяжелое яблоко. – У, глупый… На! – сердито крикнула она, бросая яблоко на траву. И вдруг, обернувшись к Сергею, она лукаво улыбнулась и кинула ему свое яблоко: – На! – А сама уже издалека звонко крикнула: – Ты Алькин?… Да? Кушай! – и, не найдя больше слов, затрясла головой, рассмеялась и убежала.

– А ваш Алька вчера ее, Эмку, водой облил, – торжественно съябедничал Карасиков. – А Ваську Бубякина за ухо дернул.

– Что же вы его не поколотите? – полюбопытствовал Сергей.

Карасиков задумался.

– Его не надо колотить, – помолчав немного, объяснил он. – У него мать была хорошая.

– Откуда вы знаете, что хорошая?

– Знаем, – коротко ответил Карасиков. – Нам Натка рассказывала. – И, помолчав немного, он добавил: – А когда Васька хотел его поколотить, то он приткнулся к стенке, вырвал крапиву да отбивается. Попробуй-ка подойти, ноги-то, ведь они голые.

Сергей рассмеялся. Где-то неподалеку на волейбольной площадке гулко ахнул мяч, и ребятишки кинулись туда.

Потом подошли Натка, а за ней Алька и Катюшка Вострецова, которые волокли на бечевке маленький грузовичок, до краев наполненный яблоками, грушами и сливами.

– Это наши ребята за ужином нагрузили. Вот мы и увозим, – объяснил Алька. – Ты проводи нас, папка, до отряда, а потом мы с тобой гулять пойдем.

Грузовик двинулся, а Сергей и Натка пошли сзади.

– Он, вероятно, на днях уедет со мной в Москву, – неохотно сообщил Сергей. – Так надо, – ответил он на удивленный взгляд Натки. – Надо так, Наташа.

– Ганин! – набравшись решимости, спросила Натка. – А что, Алька когда-нибудь мать свою видел? То есть… видел, конечно, но он ее хорошо помнит?

Грузовик вздрогнул, два яблока выпали и покатились по дорожке. Алька, быстро обернувшись, взглянул на отца.

Сергей наклонился, подобрал яблоки, положил их в кузов и с укоризною сказал:

– Что же это, шофер? Ты тормози плавно, а то шестеренки сорвешь да и машину опрокинешь.

Они подошли к дому. Сергей сказал, что задержит Альку ненадолго. Однако Алька вернулся только ко сну.

Натка раздела его, уложила и, закрыв абажур платком, стала перечитывать второе, только что сегодня полученное письмо.

Мать с тревогой писала, что отца переводят на стройку в Таджикистан и что скоро всем надо будет уезжать. Мать

волновалась, горячо просила Натку приехать пораньше и сообщала, что отец уже сговорился с горкомом, и если Натка захочет, то и ее отпустят вместе с семьей.

Противоречивые чувства охватили Натку. Хотелось побыть и здесь до конца отпуска, тем более что вожатый Корчаганов уже выздоравливал. Хорошо было поехать и в Таджикистан, хотя и грустно покидать город, где прошло все детство. И было как-то неспокойно и радостно. Чувствовалось, что вот она, жизнь, разворачивается и раскидывается всеми своими дорогами. Давно ли дядя… папаха, дядина сабля за печкой… мать с хворостиной… Давно ли пионеротряд… сама пионерка… Потом совпартшкола. И вдруг год-два – и сразу уже ей девятнадцатый.

Ей показалось, что в комнате душно, и, натянув сетку, она распахнула настежь окно.

Обернувшись, она увидела, что Алька все еще не спит, а лежит с открытыми и вовсе не сонными глазами.

– Ты что? Спи, малыш! – накинулась на него Натка.

Алька улыбнулся и привстал:

– А мы сегодня с папой на высокую гору лазили. Он лез и меня тащил. Высоко затащил. Ничего не видно, только одно море и море. Я его спрашиваю: «Папа, а в какой стороне та сторона, где была наша мамка?» Он подумал и показал: «Вон в той». Я смотрел, смотрел, все равно только одно море. Я спросил: «А где та сторона, в которой сидит в тюрьме Владикина Влада?» Он подумал и показал: «Вон в той». Чудно,

правда, Натка?

– Что же чудно, Алька?

– И в той стороне… и в другой стороне… – протяжно сказал Алька. – Повсюду. Помнишь, как в нашей сказке, Натка? – живо продолжал он. – Папа у меня русский, мама румынская, а я какой? Ну, угадай.

– А ты? Ты советский. Спи, Алька, спи, – быстро заговорила Натка, потому что глаза у Альки что-то уж очень ярко заблестели.

Но Альке не спалось. Она присела к нему на кровать, закутала в одеяло и взяла его на руки:

– Спи, Алька. Хочешь, я тебе песенку спою?

Он прикорнул к ней, притих, задремал, а она вполголоса пела ему простую, баюкающую песенку, ту самую, которую пела ей мать еще в очень глубоком, почти позабытом детстве:

Плыл кораблик голубой,
А на нем и я с тобой.
В синем море тишина,
В небе звездочка видна.
А за тучами вдали
Виден край чужой земли…

Тут во сне Алька заворочался. Неожиданно он открыл глаза, и счастливая улыбка разошлась по его раскрасневшемуся лицу.

– А знаешь, Натка? – прижимаясь к ней, радостно сказал Алька. – А я все-таки свою маму один раз видел. Долго видел… целую неделю.

– Где? – не сдержавшись, быстро спросила Натка.

Алька подумал, помолчал, потом решительно качнул головой:

– Нет, не скажу… это наша с папкой тоже – военная тайна. – Он рассмеялся, уткнулся к ней в плечо и потом, уже совсем засыпая, тихонько предупредил: – Смотри… и ты не говори никому тоже.

После обеда в лагерь приехал Дягилев получать из склада болты и гвозди. Сергей приказал, чтобы после приемки Дягилев кликнул его, и тогда они поедут к озеру вместе.

Лагерный тир был расположен у берега, как раз по пути, пониже шоссейной дороги. Сергей завернул к тиру.

Только что окончился послеобеденный отдых, и поэтому ребят в тире было немного – человек восемь. Среди них были Владик и Иоська.

Сергей стоял поодаль, наблюдая за Владиком. Когда Владик подходил к барьеру, лицо его чуть бледнело, серые глаза щурились, а когда он посылал пулю, губы вздрагивали и сжимались, как будто он бил не по мишени, а по скрытому за ней врагу.

Стреляли из мелкокалиберки на пятьдесят метров.

– Тридцать пять, – откладывая винтовку и оборачиваясь к Иоське, спокойно сказал Владик. – Бьюсь обо что хочешь,

что тебе не взять и тридцати.

– Тридцать выбью, – поколебавшись, решил Иоська.

– Ого! Ну, попробуй!

Иоська виновато взглянул на товарищей и взял винтовку. Приготавливался он к выстрелу дольше, целился медленней, и, перезаряжая после выстрела, он глотал слюну, точно у него пересыхало горло.

И все-таки тридцать очков он выбил.

В это время к Сергею подошел Дягилев.

– Дурная голова! – с досадой сказал он, постукивая себя пальцем по лбу. – Сам-то я поехал, а наряд в конторке позабыл. Подпишите новый, Сергей Алексеевич. А вернемся – я тогда прежний порву.

– Сорок выбью, – уверенно заявил Владик и легко взял из рук покрасневшего Иоськи винтовку. – Меньше сорока не будет, – твердо заявил он, чувствуя, как ладно и послушно легла винтовка к плечу.

– Сорок мне не выбить, – сознался Иоська. – У меня после третьего выстрела рука устает.

– А ты не целься по часу, – посоветовал Владик. И, вскинув приклад, он с первой же пули положил десять.

Ребята насторожились и заулыбались.

– А ты не целься по часу, – повторил Владик и снова выбил десять.

На третьем выстреле, перезаряжая винтовку, торжествующий Владик мельком оглянулся на Сергея.

Тут как будто бы кто-то его дернул. Он как-то неловко, не по-своему вскинул, не вовремя нажал, и четвертая пуля со свистом ударила совсем за мишень.

– Сорвал! Что ты? Что ты? – зашептались и задвигались ребята.

Владик торопливо перезарядил. Целился он теперь долго. Пальцы дрожали, и мушка прыгала.

– Ну, двойка! – разочарованно крикнул кто-то, когда он выстрелил.

Владик оттолкнул винтовку и, ничего не говоря, пошел прочь.

Сергею стало жалко растерявшегося Владика.

– Не сердись, – успокоил он, задерживая его руку. – Ты хорошо стреляешь. Только не надо было оборачиваться.

– Нет, – сердито ответил Владик. – Это совсем не то.

Несколько шагов вдоль берега они прошли молча. Владик тяжело дышал.

– Я знаю, – сказал он, останавливаясь, – это вы за меня заступились перед Наткой. Вы не спорьте, я хорошо знаю.

– Я не спорю, но я не заступался. Я только рассказал ей то, что передал мне Алька. А ему я, Владик, очень крепко верю.

– И я тоже. – Владик облизал пересохшие губы. И, не зная, как начать, он отшвырнул ногою попавшийся камешек. – Это кто к вам сейчас подходил?

– Сейчас? Это старший десятник. А что, Владик?

Владик запнулся.

– А если он десятник, то зачем он ружья прячет? Зачем? Из-за него мы с Толькой нечаянно чуть вас не убили. Из-за него Толька свихнул себе руку. Из-за него я сейчас промахнулся. У меня три патрона – тридцать очков. Вдруг вижу… Что? Кто это? Откуда? Конечно, раз сорвал… сорвал два, а если бы сразу обернулся, то и все пять сорвал бы. Разве я его тут ожидал?

– Постой, постой, да ты не кричи! – остановил Владика Сергей. – Кто меня убил? Какое ружье? Кто прячет? Поди сюда, сядь.

Они сели на камень.

– Помните, вы верхом ехали и двум мальчишкам записку к начальнику лагеря дали?

– Ну?

– Это мы с Толькой были. На башню, дураки, лазили… Помните, вы однажды шли, вдруг около вас бабахнуло. Вы окликнули да по кустам из нагана…

– Я не по кустам, я в воздух.

– Все равно. Это мы с Толькой бабахнули. Это он нечаянно. А потом мы бросились бежать; тут он – под откос и расшибся.

– А ружье? Ружье где вы взяли?

– А ружье вот этот самый дядька в яму под башню спрятал. Там мы лазили и нечаянно натолкнулись.

– Какой дядька? Может быть, другой? Может быть, вовсе не этот? – настойчиво переспрашивал Сергей.

– Этот самый. Мы с Толькой наверху рядом сидели. Тоже сунулся под руку, – с досадой добавил Владик. – Я обернулся, гляжу – он. Откуда, думаю? Может быть, за ружьем? Раз, раз – и сорвал.

– А ружье где?

– Там оно… где-нибудь в чаще, под обрывом, – уже нехотя докончил Владик. – Если надо, так сходим, можно и найти.

– Владик, – торопливо попросил Сергей, увидав подъезжающего Дягилева. – Ты беги в тир. Я сейчас тоже приду. А потом мы возьмем с собой Альку и пойдемте вместе гулять. Там заодно все посмотрим и поищем.

В этот же день к вечеру Сергей вызвал Шалимова и послал на третий участок за Дягилевым. Ободранная о камни, грязная двустволка стояла в углу. Ее нашли в колючках под обрывом.

На все расспросы Сергея Шалимов отмалчивался и твердил только одно: что Аллах велик и, конечно, видит, что он, Шалимов, ни в чем не виноват.

Вошел Дягилев. Еще с порога он начал жаловаться, что шалимовская бригада совсем отбилась от рук и что куда-то затерялся ящик с метровыми гайками.

Но, наткнувшись на Шалимова, он сразу насторожился, сдвинул с табуретки молодого парнишку-рассыльного и сел напротив Сергея.

– Врешь, что тебя обворовали, – прямо сказал Сергей. – Ты сам вор. Документы бросил, а двустволку спрятал. – И,

указывая на притихшего Шалимова, он спросил: – А рабочих обкрадывали вместе? Скажите, сколько украли?

– Шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть, – быстро ответил нерастерявшийся Дягилев. – Что ты, Сергей Алексеевич? Или динамитом в голову контузило?

Но тут он разглядел стоявшую за спиной Сергея двустволку и злобно взглянул на молчавшего Шалимова:

– Ах, вот что! Святой Магомет, это ты что-нибудь напророчил?

– Я ничего не говорил, – испуганно забормотал Шалимов. – Я ничего не видал, ничего не слыхал и не знаю. Это бог все знает.

– Святая истина, – мрачно согласился Дягилев. – Ну и что дальше?

– Документы у тебя свои или чужие? – спросил Сергей.

– Документ советский, а свои нынче строго. Да что ты ко мне пристал, Сергей Алексеевич? Вор украл, вор и бросил, а я-то тут при чем?

В эту минуту дверь стукнула, и Дягилев увидел на пороге незнакомого мальчика.

– Владик, – спросил мальчика Сергей, указывая на Дягилева, – этот человек ружье прятал?

Владик молча кивнул головой. Сергей обернулся к телефону.

Почуяв недоброе, Дягилев тоже встал и, отталкивая пытавшегося его задержать рассыльного, пошел к двери.

– Ты постой, вор! – вскрикнул побледневший Владик. – Здесь еще я стою.

– А ты что за орел-птица? – крикнул озадаченный Дягилев и нехотя сел, потому что Сергей бросил трубку телефона.

– Отпустите лучше, Сергей Алексеевич, – сказал Дягилев. – Стройка закончена. Плотина готова. Вы себе с миром в одну сторону, а я – в другую. Всем жрать надо.

– Всем надо, да не все воруют.

– Вам воровать не к чему. У вас и так все свое.

– А у вас?

– А у нас? Про нас разговор особый. Отпустите добром, вам же лучше будет.

– Мне лучше не надо. Мне и так хорошо… А ты, я смотрю, кулак. Но-но! Не балуй! – окликнул Сергей, увидев, что Дягилев встал и подвинул к себе тяжелую табуретку.

– Был с кулаком, остался с кукишом, – огрызнулся Дягилев и безнадежно махнул рукой, увидев подъезжавших к окну двух верховых милиционеров.

– Лучше бы отпустили, себе только хуже сделаете, – как бы с сожалением повторил Дягилев и злобно дернул за рукав все еще что-то бормотавшего Шалимова. – Вставай, святой Магомет! Социализм строили… строили и надорвались. В рай домой поехали! А вон за окном и архангелы.

…Через два дня, в полдень, торжественно открыли шлюзы, и потоки холодной воды хлынули с гор к лагерю.

Вечером по нижнему парковому пруду, куда направили всю первую, еще мутную воду, уже катались на лодках.

Наутро били фонтаны, сверкали светлые бассейны, из-под душей несся отчаянный визг. И суровый Гейка, которого уже несколько раз обрызгивали из окошек, щедро поливая запылившиеся газоны, совсем не сердито бормотал:

– Ну, будет, будет вам! Вот сорву крапиву да через окно крапивой по голому. И скажи, что за баловная нация!

Где бы ни появлялся этот маленький темноглазый мальчуган – на лужайке ли среди беспечных октябрят, на поляне ли, где дико гонялись казаки и разбойники – отчаянные храбрецы, на волейбольной ли площадке, где азартно играли в мяч взрослые комсомольцы, – всюду ему были рады.

И если, бывало, кто-нибудь чужой, незнакомый толкнет его, или отстранит, или не пропустит пробраться на высокое место, откуда все видно, то такого человека всегда останавливали и мягко ему говорили:

– Что ты, одурел? Да ведь это наш Алька.

И потом вполголоса прибавляли еще что-то такое, от чего невнимательный, неловкий, но незлой человек смущался и виновато смотрел на этого веселого малыша.

С часу на час Сергей ожидал телеграммы. Но прошел день, прошел другой, а телеграммы все не было, и Сергей стал надеяться, что остаток отпуска они с Алькой проведут спокойно и весело.

Уже вечерело, когда Сергей и Алька лежали на полянке

и поджидали Натку. Она сегодня была свободна, потому что совсем выздоровел и вернулся в отряд вожатый Корчаганов.

Однако Натка где-то задерживалась.

Они лежали на теплой, душистой поляне и, прислушиваясь к стрекотанию бесчисленных цикад, оба молчали.

– Папка, – трогая за плечо отца, спросил Алька, – Владик говорит, что у одного летчика пробили пулями аэроплан. Тогда он спрыгнул, летел, летел и все-таки спустился прямо в руки белым. Зачем же он тогда прыгал?

– Должно быть, он не знал, что попадет к белым, Алька.

– А если бы знал?

– Ну, тогда он подумал бы, что, может быть, сумеет убежать или отбиться.

– Не отбился, – с сожалением вздохнул Алька. – Владик говорит, что на том месте, где летчика допытывали и убили, стоит теперь вышка и оттуда ребята с парашютами прыгают. Ты, когда был на войне, много раз прыгал?

– Нет, Алька, я ни одного раза. Да у нас и война не такая была – без парашютов.

– А у нас какая будет?

– А у вас, может быть, уж никакой войны не будет.

– А если?

– Ну, тогда вырастешь – сам увидишь. Ты почему про летчика вспомнил, Алька?

– По сказке. Помнишь, когда Мальчиша заковали в цепи, то бледный он стоял, и тоже от него ничего не выпытали.

Алька вскочил с травы и попросил:

– Пойдем, папка. Мы Натку по дороге встретим. А у меня под подушкой две конфеты спрятаны, и я вам тоже дам по половинке, только ты не говори ей, что это из-под подушки, а то у нас за это ругаются.

Они спустились на тропку и вдоль ограды из колючей проволоки, которая отделяла парк от проезжей дороги, прошли к дому.

Они отошли уже довольно далеко, как Сергей спохватился, что забыл на полянке папиросы.

– Принеси, Алька, – попросил он, – я тебя здесь подожду. Беги напрямик, через кусты. Ты малыш и живо пролезешь.

Алька нырнул в чащу.

– Ау! Где вы? – донесся издалека голос Натки.

– Эге-гей! Здесь! – громко откликнулся Сергей. – Сюда, Наташа!

При звуке его голоса из-за кустов со стороны дороги просунулась чья-то голова, и Сергей узнал дягилевского брата. Он опять был сильно пьян, но на ногах держался крепко. Он сделал было попытку подойти, но наткнулся на колючую проволоку и остановился.

– Зачем брата посадил? – глухо проговорил он, уставившись на Сергея мутными, недобрыми глазами. – Хитрый! – протяжно добавил он и погрозил пальцем.

– Иди проспись, – посоветовал Сергей. – Смотри, ты себе руку о проволоку раскровенил.

– И все-то вы хи-итрые! – так же протяжно повторил пьяный и вдруг, подавшись корпусом, двинулся так сильно, что проволока затрещала и зазвенела.

Он хрипло крикнул:

– Зачем брата посадил? Лучше отпусти, а то хуже будет!

– Брат твой кулак и вор – туда ему и дорога. Ты будешь вором, и ты сядешь. Пойди спи, – резко ответил Сергей, не спуская глаз с этого остервеневшего человека.

– Брат – вор, а я и вовсе бандит! – дико выкрикнул пьяный, и, схватив с земли тяжелый камень, он что было силы запустил им в Сергея.

– Брось, оставь! – крикнул отклонившийся Сергей.

Но ослепленный злобою, отуманенный водкой человек рванулся к земле, и целый град булыжников полетел в Сергея. Крупный камень ударил ему в плечо, и тут же он услышал, как сзади хрустнули кусты и кто-то негромко вскрикнул.

– Стой!.. Назад… Назад, Алька! – в страхе закричал Сергей, и, вырвав из кармана браунинг, он грохнул по пьяному.

Пьяный выронил камень, погрозил пальцем, крепко выругался и тяжело упал на проволоку.

Сергей обернулся.

Очевидно, что-то случилось, потому что он покачнулся. В одно и то же мгновение он увидел тяжелые плиты тюремных башен, ржавые цепи и смуглое лицо мертвой Марицы. А еще рядом с башнями он увидел сухую колючую траву. И

на той траве лицом вниз и с камнем у виска неподвижно лежал всадник «Первого октябрятского отряда мировой революции», такой малыш – Алька.

Сергей рванулся и приподнял Альку. Но Алька не вставал.

– Алька, – почти шепотом попросил Сергей, – ты, пожалуйста, вставай…

Алька молчал.

Тогда Сергей вздрогнул, осторожно положил Альку на руки и, не поднимая оброненную фуражку, шатаясь, пошел в гору.

Из-за поворота навстречу выбежала Натка. Была она сегодня такая веселая, черноволосая, без платка, без галстука; подбегая, она раскинула руки и радостно спросила:

– Ну что, заждались? Вот и я. А он уже спит?

– А он, кажется, уже не спит, – как-то по-чужому ответил Сергей и остановился.

И, очевидно, опять что-то случилось, потому что пораженная Натка отступила назад, подошла снова и, заглянув Альке в лицо, вдруг ясно услышала далекую песенку о том, как уплыл голубой кораблик…

На скале, на каменной площадке, высоко над синим морем, вырвали остатками динамита крепкую могилу.

И светлым, солнечным утром, когда еще вовсю распевали птицы, когда еще не просохла роса на тенистых полянках парка, весь лагерь пришел провожать Альку.

Что-то там над могилой говорили, кого-то с ненавистью

проклинали, в чем-то крепко клялись, но все это плохо слушала Натка.

Она видела Карасикова, который стоял теперь не шелохнувшись, и вспомнила, что отец у Карасикова – шахтер.

Она видела босого, но сегодня подпоясанного и причесанного Гейку и вспомнила, что этот добрый Гейка был когда-то солдатом в арестантских ротах.

Она увидела Владика, бледного и сдержанного настолько, что, казалось, никому нельзя было даже пальцем дотронуться до него сейчас, и подумала, что если когда-нибудь этот Владик по-настоящему вскинет винтовку, то ни пощады, ни промаха от него не будет.

Потом она увидела Сергея. Он стоял неподвижно, как часовой у знамени. И только сейчас Натка разглядела, что лицо его спокойно, почти сурово, что сапоги вычищены, ремень подтянут, а на чистой гимнастерке привинчен военный орден.

Тут Натку тихонько позвали и сказали, что башкирка Эмине бросилась на траву и очень крепко плачет.

Потом все ушли. Остались только Сергей, Гейка, дежурное звено из первого отряда и четверо рабочих.

Они навалили груду тяжелых камней, пробили отверстие, крепко залили цементом, забросали бугор цветами.

И поставили над могилой большой красный флаг.

В тот же день Сергей получил телеграмму. Он зашел к себе и стал собираться. Он уложил весь свой несложный ба-

гаж, но когда подошел к письменному столу, чтобы собрать бумаги, то он не нашел там Алькиной фотографии. Он потер виски, припоминая, не брал ли он ее с собою. Заглянул даже в полевую сумку, но фотографии и там не было.

Голова работала нечетко, мысли как-то сбивались, разбегались, путались, и он не знал, на кого – на себя, на других ли – сердиться.

Он пошел к Натке. Натка укладывалась тоже.

Алькина кровать с белой подушкой, с голубеньким одеялом стояла все еще не тронутой, как будто он бегал где-либо неподалеку, но его любимой картинки с краснозвездным всадником уже не было.

– Завтра я уезжаю, Наташа, – сказал Сергей. – Меня вызвали.

– И я тоже. Мы вместе поедем. Ты пить хочешь? Пей из графина. Теперь вода холодная.

– Да, теперь вода холодная, – машинально повторил Сергей. – Ты у меня не была сегодня, Наташа?

– Нет, не была. А что… Сережа?

– Не знаю я, куда-то Алькина карточка со стола пропала. Может быть, сам сгоряча засунул – не помню. Искал, искал – нету. В Москве у меня еще есть, – словно оправдываясь, добавил он. – А здесь больше нету.

В дверь заглянул вожатый Корчаганов, который весь день ловил Натку, чтобы за что-то ее выругать. Но, увидев Сергея, он понял, что сейчас, пожалуй, не время и не место. Он

исчез, не сказав ни слова.

Они решили ехать завтра рано утром – машиной до Севастополя и оттуда на поезде в Москву.

В последний раз обходила Натка шумный и отчаянный свой четвертый отряд. Еще не везде смолкли печальные разговоры, еще не у всех остыли заплаканные глаза, а уже исподволь, разбивая тишину, где-то рокотали барабаны. Уже, рассевшись на бревнах, дружно и нестройно, как всегда, запевали свою песню октябрята. Уже успели Вася Бубякин и Карасиков снова поссориться и снова помириться. И уже перекликались голоса над берегом, аукали в парке и визжали под искристыми холодными душами.

Натка зашла в прохладную палату. Там у окна стоял только один Владик. Она подошла к нему сзади, но он задумался и не слышал. Она заглянула ему через плечо и увидела, что он пристально разглядывает Алькину карточку.

Владик отпрыгнул и крепко спрятал карточку за спину.

– Зачем это? – с укором спросила Натка. – Разве ты вор? Это нехорошо. Отдай назад, Владик.

– Вот скажи, что убьешь, и все равно не отдам, – стиснув зубы, но спокойно, не повышая голоса, ответил Владик.

И Натка поняла: правда, скажи ему, что убьют, и он не отдаст.

– Владик, – ласково заговорила Натка, положив ему руку на плечо, – а ведь Алькиному отцу очень, очень больно. Ты отдай, отнеси. Он на тебя не рассердится.

Тут губы у Владика запрыгали. Исчезла вызывающая, нагловатая усмешка, совсем по-ребячьи раскрылись и замигали его всегда прищуренные глаза, и он уже не крепко и не уверенно держал перед собой Алькину карточку. Голос его дрогнул, а непривычные крупные слезы покатились по щекам.

– Да, Натка, – беспомощным, горячим полушепотом заговорил он, – у отца, наверно, еще есть. Он, наверно, еще достанет. А мне… а я ведь его уже больше никогда…

Минутой позже, все еще собираясь выругать за что-то Натку, забежал вожатый Корчаганов и, разинув рот, остановился. Сидя на койке, прямо на чистом одеяле, крепко обнявшись, Владик Дашевский и Натка Шегалова плакали. Плакали открыто, громко, как маленькие глупые дети.

Он постоял, тихонько, на цыпочках, вышел, и ему что-то захотелось выпить очень холодной воды.

…Провожать на дорогу прибежали многие. Уже в самую последнюю минуту, когда Сергей и Натка сели в машину, с огромной охапкой цветов примчался Владик, а за ним Иоська и Эмка.

– Возьми… Это ему и тебе, – отрывисто сказал Владик. – Да бери. Ты не думай. Это я не украл. Мы пошли к Гейке. Мы попросили садовника. Мы сказали кому, и он дал. Возьми, возьми. Прощай, Натка!

Высоко с горы, взявшись за руки, бежали опоздавшие

Вася Бубякин и Карасиков. Увидав, что им все равно не поспеть, они остановились, растерянно посмотрели друг на друга, потом замахали и закричали:

– До свиданья, до свиданья!

Машина рявкнула, и Натка, приподнявшись, крикнула Васе Бубякину и Карасикову и всем этим хорошим ребятам, всему этому шумному, зеленому лагерю:

– До свиданья, до свиданья!

Машина рявкнула, плавно покатила вниз. Огибая лагерь, она помчалась к берегу, потом пошла в гору.

Здесь, как будто бы нарочно, шофер сбавил ход. Натка обернулась.

Дул свежий ветер. Он со свистом пролетал мимо ушей, пенил голубые волны и ласково трепал ярко-красное полотнище флага, который стройно высился над лагерем, над крепкой скалой, над гордою Алькиной могилой…

В ту светлую осень крепко пахло грозами, войнами и цементом новостроек.

Поезд мчался через Сиваш, гнилое море, и, глядя на его серые гиблые волны, Натка вспомнила, что где-то вот здесь в двадцатом был убит и похоронен их сосед, один веселый сапожник, который, перед тем как уйти на фронт, выкинул из дома иконы, назвал белобрысую дочку Маньку Всемирой и, добродушно улыбаясь, лихо затопал на вокзал, с тем чтобы никогда домой не вернуться.

И Натка подумала, что домика того давно уже нет, а на

всем этом квартале выстроили учебный комбинат и водонапорную башню. А Маньку – Всемиру – никто никогда таким чудным именем не звал и не зовет, а зовут ее просто Мира или Мирка. И она уже теперь металлург-лаборантка, и у нее недавно родился сын, такой же белобрысый, Пашка.

– А все-таки где же Алька видел Марицу? – неожиданно обернувшись к Сергею, спросила Натка.

– Он видел ее полтора года назад, Наташа. Тогда Марица бежала из тюрьмы. Она бросилась в Днестр и поплыла к советской границе. Ее ранили, но она все-таки доплыла до берега. Потом она лежала в больнице, в Молдавии. Была уже ночь, когда мы приехали в Балту. Но Марица не хотела ждать до утра. Нас пропустили к ней ночью. Алька у нее спросил: «Тебя пулей пробило?» Она ответила: «Да, пулей». – «Почему же ты смеешься? Разве тебе не больно?» – «Нет, Алька, от пули всегда больно. Это я тебя люблю». Он насупился, присел поближе и потрогал ее косы. «Ладно, ладно, и мы их пробьем тоже».

– А почему Алька говорил, что это тайна?

– Марицу тогда Румыния в Болгарии искала. А мы думали – пусть ищет. И никому не говорили.

– А потом?

– А потом она уехала в Чехословакию и оттуда опять пробралась к себе в Румынию. Вот тебе и все, Наташа.

Поезд мчался через степи Таврии. Рыжими громадами возвышались над равниной хлебные стога. Сторожевыми

башнями торчали элеваторы, и к ним со всех сторон бежали машины, тянулись подводы, телеги, арбы, груженные свежим, пахучим зерном.

На каждой большой станции бросались за встречными газетами. Газет не хватало. Пропуская привычные сводки и цифры, отчеты, внимательно вчитывались в те строки, где говорилось о тяжелых военных тучах, о раскатах орудийных взрывов, которые слышались все яснее и яснее у одной из далеких-далеких границ.

Натка отложила газету.

Поезд мчался теперь через могучий Донбасс. Там бушевало пламя, шипели коксовые печи, грохотали подъемники и экскаваторы. И росли, росли озаренные прожекторами вышки шахт, фабричные корпуса – целые города, еще сырые, серые, пахнущие дымом, известью и цементом.

– Сережа, – сказала тогда Натка, присаживаясь рядом и тихонько сжимая его руку, – ведь это же правда, что наша Красная Армия не самая слабая в мире?

Он улыбнулся и ласково погладил ее по голове.

На вокзале их встретил сам Шегалов.

Столкнувшись с Сергеем, он остановился и нахмурился. Удивленный Сергей и сам стоял, глядя Шегалову прямо в лицо и чему-то улыбаясь.

– Постой! Как это? – трогая Сергея за рукав, пробормотал Шегалов. – Сережка Ганин! – воскликнул он вдруг и, хлопая Сергея по плечу, громко рассмеялся. – А я смотрю… Кто?

Кто это?… Ты откуда?… Куда?…

– Мы вместе приехали. А ты его знаешь? – обрадовалась Натка. – Мы вместе приехали. Я тебе, дядя, потом расскажу. У тебя машина? Мы вместе поедем.

– Поедем, поедем, – согласился Шегалов. – Только мне сейчас прямо в штаб. Я вас развезу, а вечером он обязательно ко мне. Ну, что же ты молчишь?

– Слов нету, – ответил Сергей. – А к вечеру, Шегалов, я все припомню.

– А Балту вспомнишь? Молдавию вспомнишь?

– Дядя, – перебила сразу насторожившаяся Натка, – идем, дядя. Где машина?

Натка сидела посередине. А Шегалов весело расспрашивал Сергея:

– Ну как ты? Конечно, жена есть, дети?

– Дядя, – дергая его за рукав, перебила Натка, – ты мне шпорой прямо по ноге двинул.

– Как это? – удивился Шегалов. – Твои ноги вон где, а мои шпоры – вот они.

– Не сейчас, – смутилась Натка, – это еще когда мы в машину садились.

– Так неужели не женат? – продолжал Шегалов и рассмеялся. – А помнишь, как в Бессарабии однажды мы на беженский табор наткнулись, и была там одна такая девчонка темноглазая, чернокосая…

– Дядя! – почти испуганно вскрикнула Натка. – Это бы-

ла… – Она запнулась. – Это была такая же машина, на которой мы в прошлый раз с тобой ехали?

– И что ты, шальная, не даешь с человеком слова сказать? – возмутился Шегалов. – То ей шпорами, то ей машина. Та же самая машина, – с досадой ответил он. – Ну, вот мы и приехали, слезай. Ты обязательно заходи сегодня или завтра вечером, – обернулся он к Сергею. – А то я на днях и сам в командировку еду. Дела, брат! – уже тише добавил он. – Серьезные дела! Так и норовят нас слопать, да, гляди, подавятся.

К вечеру позвонил Шегалов и сказал, что он сегодня вернется только поздно ночью. Через полчаса позвонил Сергей и предупредил, что сегодня он быть никак не может и постарается прийти завтра.

Наутро Натка проснулась только в десять, и ей сказали, что дядя уже уехал, но обязательно обещал вернуться пораньше.

Это очень опечалило Натку. До четырех часов Натка ждала звонка, но потом у нее заболела голова, и она вышла на улицу. Незаметно она зашла в Александровский парк. Вечер был светлый, прохладный. В парке было тихо. Под ногами шуршали сухие листья, и пахло сырою рябиной.

У газетных киосков стояли нетерпеливые очереди. Люди поспешно разворачивали газетные листы и жадно читали последние известия о событиях на Дальнем Востоке. События были тревожные.

«Скорей надо за дело, – опуская газету, подумала Натка. – Домой ли, в Таджикистан ли… все равно. Всюду работа, нужная и важная».

И Натка опять вспомнила Алькину Военную Тайну: «Отчего бились с Красной Армией сорок царей да сорок королей? Бились, бились, да только сами разбились?»

«Это давно бились, – подумала Натка. – А пусть попробуют теперь. Или пусть подождут еще, пока подрастут Владик, Толька, Иоська, Баранкин и еще тысячи и миллионы таких же ребят… Надо работать, – думала Натка. – Надо их беречь. Чтобы они учились еще лучше, чтобы они любили свою страну еще больше. И это будет наша самая верная, самая крепкая Военная Тайна, которую пусть разгадывает, кто хочет».

Когда она вернулась домой, ей сказали, что без нее заходил Сергей.

Она бросилась к столу и нашла записку.

«Наташа, – писал Сергей. – Сегодня я уезжаю на Дальний Восток. Горячее спасибо тебе за Альку, за себя, за все».

Тут же на столе лежала фотография. На ней звонко и приветливо смеялись обнявшиеся Алька и Марица Маргулис.

И тогда ей вдруг очень захотелось еще раз повидать Сергея.

Она подошла к телефону и узнала, что курьерский поезд па Дальний Восток уходит в семь тридцать. У нее оставалось еще полтора часа.

Она представила себе огромный, шумный вокзал, где все суетятся, спешат, провожают, прощаются. И только Сергей совсем один, без Марицы, без Альки, стоит молчаливый, вероятно, угрюмый и ждет, когда наконец загудит паровоз, дрогнут вагоны и поезд двинется в этот очень далекий путь.

Она быстро вышла из дому и вскочила в трамвай.

На вокзале, перебегая из зала в зал, она пристально оглядывала всех окружающих, но Сергея не могла найти нигде.

Отчаявшись, она наконец в третий раз остановилась в буфете, не зная, где искать и что думать.

Вдруг, совсем нечаянно, за крайним столиком, за которым негромко разговаривали какие-то отъезжающие военные, она увидала Сергея.

Он был в форме командира инженерных войск, его товарищи – тоже.

Но что поразило Натку – это то, что он был не угрюмый, не молчаливый и вовсе не одинокий.

Слегка наклонившись, он внимательно и серьезно слушал то, что вполголоса ему говорили. Вот он, с чем-то не соглашаясь, покачал головой. А вот улыбнулся, вытер лоб и поправил ремень полевой сумки.

– Сережа! – негромко позвала его Натка. Он обернулся, сразу же встал, быстро сказал что-то своим товарищам и, крепко обрадованный, пошел ей навстречу.

– Ну вот, – сказал он, сжимая ее руку и почему-то виновато улыбаясь. – Ну вот, Наташа, ты видишь теперь, как оно

все вышло.

На перроне разговаривали они мало: сбивали гул, шум, гудки, толпа и музыка, провожавшая какую-то делегацию.

Что-то хотелось обоим напоследок вспомнить и сказать, но каждый из них чувствовал, что начинать лучше и не надо.

Но когда они крепко расцеловались и Сергей уже изнутри вагона подошел к окну, Натке вдруг захотелось напоследок крикнуть ему что-нибудь крепкое и теплое.

Но стекло было толстое, но уже заревел гудок, но слова не подвертывались, и, глядя на него, она только успела совсем по-Алькиному поднять и опустить руку, точно отдавая салют чему-то такому, чего, кроме них двоих, никто не видел.

И он ее понял и наклонил голову.

Натка вышла на площадь и, не дожидаясь трамвая, потихоньку пошла пешком. Вокруг нее звенела и сверкала Москва. Совсем рядом с ней проносились через площадь глазастые автомобили, тяжелые грузовики, гремящие трамваи, пыльные автобусы, но они не задевали и как будто бы берегли Натку, потому что она шла и думала о самом важном.

А она думала о том, что вот и прошло детство и много дорог открыто.

Летчики летят высокими путями. Капитаны плывут синими морями. Плотники заколачивают крепкие гвозди, а у Сергея на ремне сбоку повис наган.

Но она теперь не завидовала никому. Она теперь по-ино-

му понимала холодноватый взгляд Владика, горячие поступки Иоськи и смелые нерусские глаза погибшего Альки.

И она знала, что все на своих местах и она на своем месте тоже. От этого сразу же ей стало спокойно и радостно.

Незаметно для себя она свернула в какой-то совсем незнакомый переулок только потому, что туда прошел с песнею возвращающийся из караула дружный красноармейский взвод.

Мельком заглянула Натка в незавешенное окошко низенького домика и увидала, как старая бабка, нацепив радионаушники, внимательно слушает и отчаянно грозит рукой догадливому малышу, который смело лезет на стол к сахарнице.

Тут Натка услышала тяжелый удар и, завернув за угол, увидала покрытую облаками мутной пыли целую гору обломков только что разрушенной дряхлой часовенки.

Когда тяжелое известковое облако разошлось, позади глухого пустыря засверкал перед Наткой совсем еще новый, удивительно светлый дворец.

У подъезда этого дворца стояли три товарища с винтовками и поджидали веселую девчонку, которая уже бежала к ним, на скаку подбрасывая большой кожаный мяч.

Натка спросила у них дорогу.

Крупная капля дождя упала ей на лицо, но она не заметила этого и тихонько, улыбаясь, пошла дальше.

Пробегал мимо нее мальчик, заглянул ей в лицо. Рассме-

ялся и убежал.

1935 г.